

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ЖРЕЦЫ И ЖЕРТВЫ ХОЛОКОСТА

КОСМАТЫЕ СЕРДЦА

Спасение Агасфера в его погибели.

Рихард Вагнер

В глубинах явления, именуемого Холокостом, таится множество исторических, политических, религиозных, этнических, психологических и прочих загадок. Не всем участникам этой бесконечной драмы выгодно, чтобы они были разгаданы. Потому-то Холокост объявляется событием не подлежащим изучению и осмыслению. Однако все тайное рано или поздно становится явным. Вот так постепенно проявляется одна из самых странных и зловещих тайн Холокоста, которую исследовал еще в 70-х годах прошлого века немецкий историк Хеннеке Кардель в книге “Адольф Гитлер – основатель Израиля”, переведенной на русский язык и опубликованный у нас в 2004 году крошечным тиражом.

После издания этой книги в Женеве автор неоднократно привлекался к суду со стороны еврейских организаций, но выиграл все судебные процессы, поскольку подтверждал в судах документами все спорные выводы своего исследования.

Хеннеке Кардель, подполковник вермахта в отставке, кавалер Железного креста, воевал в составе германских войск на Восточном фронте, побывал в советском плену, а после войны, задумавшись о ее причинах и тщательно изучив европейские архивы, сделал парадоксальный вывод о том, что многие вожди гитлеровского рейха, прославившиеся своими антисемитскими взглядами и ратовавшие за чистоту германской расы, на самом деле были сами отнюдь не “арийского”, а в той или иной степени семитского происхождения, и что их политика в 30-е годы прошлого века преследовала одну цель – вытеснение восточноевропейского еврейства в Палестину.

С этой точки зрения эпоху Третьего рейха и Холокоста истолковывали Иохим Фест в книге “Гитлер” (1973 г.), Б. Енгельман “Германия без евреев” (1970 г.), а также многие историки послевоенной Европы, такие как Конрад Хайден, Ганс Франк, Август Кубичек, Хельмут Хайдер, Ганс Циглер, и особенно Дитрих Брондер, профессор и доктор исторических наук, руководитель безрелигиозных еврейских общин Германии, издавший в 1975 г. в Швейцарии книгу “Bevor Hitler Kom” (“До прихода Гитлера”), из которой значительную часть информации взял для своего исследования Х. Кардель.

Продолжение. Начало в № 1–7 за 2010 год.

В этом же ключе написаны книги американских историков еврейского происхождения Вальтера Лангера "The Mind of Adolf Hitler" и Вилли Фришауэра "Himmler" (NY, 1962). Для советской "интернациональной" идеологии эта информация была крайне нежелательной. Подобные книги не переводились, не упоминались в исследованиях историков, и вообще вся тема находилась под цензурным запретом, что объяснялось особым характером создания высших эшелонов советской власти, начиная с первых лет ее существования: табу на тему "кремлевские жены", на семейную жизнь генсеков, родословное древо Владимира Ильича Ленина было обязательным.

Вспомним хотя бы, какой скандал вспыхнул в 30-е годы, когда Мариэтта Шагинян, собирая исторический материал для книги о вожде, "вдруг" обнаружила, что по материнской линии он происходит из еврейско-немецкой семьи Бланков! Скандал этот был моментально задавлен, и "табу" восстановлено.

Смешно сказать, но об одной шестнадцатой семитской крови в жилах Пушкина знал каждый любопытный школьник, но о Владимире Ленине этого знать было нельзя.

Поэтому такого рода знания и о гитлеровской верхушке не приветствовались в советской исторической литературе, как и тема "еврейского антисемитизма" в эпоху Третьего рейха.

За 10 лет до появления книги Карделя Ханна Арендт вплотную подошла к исследованию "антисемитизма" евреев, когда в очерках о процессе Эйхмана писала:

"Роль еврейских лидеров в уничтожении своего собственного народа — это для евреев, несомненно, самая мрачная глава во всей этой мрачной истории. В Амстердаме и в Варшаве, в Берлине и в Бухаресте нацисты могли рассчитывать на то, что еврейские функционеры составят списки лиц и опись имущества, добудут деньги на депортацию и уничтожение у самих депортируемых, возьмут на учет освободившиеся квартиры и предоставят полицию, чтобы помогать хватать евреев и запихивать их в поезда... То, что в лагерях смерти прямую помощь при уничтожении жертв оказывали обычно еврейские команды, этот сам по себе известный факт полностью подтвержден свидетельствами на процессах: как зондеркоманды работали в газовых камерах и крематориях, как они вырывали золотые зубы у трупов и отрезали волосы, как они рыли могилы, а позже снова разрывали те же могилы, чтобы скрыть следы массовых убийств, как еврейские техники строили газовые камеры в Терезиенштадте, которые, правда, не были использованы, как еврейская "автономия" дошла до того, что сама стала палачом евреев" ("Эйхман в Иерусалиме", 1964 г.)

Это — страшные картины. Однако то, о чем пишет Хеннеке Кардель, по своему и таинственнее и страшнее.

Если верить генеалогическим изысканиям Карделя и других европейских историков, на труды которых он ссылается, то почти у всех верховных жрецов Третьего рейха в жилах текла семитская кровь. **"После смерти президента Гинденбурга у рычагов власти в Берлине не осталось ни одного человека, который не имел бы примеси еврейской крови"** (Х. Кардель, стр. 126).

Сам фюрер, как сообщают многие источники, являлся по материнской линии внуком австрийского еврея Франкенбергера (стр. 20).

Йозеф Геббельс, министр нацистской пропаганды, был, оказывается, "потомок испано-голландских евреев, которого в школе дразнили раввином" (стр. 90).

"... Рудольф Гесс, сын английской еврейки, получивший английское воспитание в Египте, имевший хорошие связи с высшей английской знатью. Только он мог бы договориться с Черчиллем".

"При анализе этих тесных связей между гитлеровским движением и западными евреями заслуживает внимания начало политической карьеры будущего "заместителя фюрера" Рудольфа Гесса. На войне (1914–1918 г. — **Ст. К.**) он был летчиком, после войны стал в Мюнхенском университете ассистентом профессора политэкономии Хаусхоффера, католика еврейского происхождения, женатого на еврейке. Гесс и Хаусхоффер были членами Общества Туле. Гесс составлял тогда программу партии, а пункт 1 гласил: "Партия является антисемитской" (стр. 75–77).

"В политическом руководстве Гитлера был силен элемент с еврейской примесью среди тех, кто занимался борьбой с евреями и их уничтожением. И генерал СС Эрих фон дем Бах-Зелевский, возглавлявший борьбу против

партизан, и генерал СС и бывший гауляйтер Вены Одиль Глобочник, “истребитель евреев”, были люди с примесью еврейской крови” (стр. 206).

“Когда война стала войной на два фронта и тем самым была проиграна, Гитлер поручил своему ближайшему сподвижнику, начальнику полиции Рейнхарду Тростину Ойгену Гейдриху, отец которого первоначально носил фамилию Зюсс и о котором Гиммлер говорил, будто он “преодолеl в себе еврея”, заняться так называемым окончательным решением еврейского вопроса” (стр. 8).

“Повешенный в Нюрнберге генерал-губернатор Польши полуеврей Ганс Франк, во времена борьбы за власть юрисконсульт Гитлера, в своей опубликованной позже книге “Перед лицом виселицы” ясно дал понять, что знал о еврейском происхождении Гитлера... Его ненависть к евреям, возможно, обусловлена психозом ненависти к собственной крови” (стр. 14, 99).

“Адмирал Канарис, руководитель немецкой военной разведки и зарубежного шпионажа, вмешался во внутреннюю политику и предложил, чтобы все оставшиеся в рейхе евреи носили желтую шестиконечную звезду, как им предписывалось в разных странах в средние века. Эту идею он развил однажды в саду у соседа <...>. Соседа звали Рейнхард Гейдрих. Он с воодушевлением воспринял идею Канариса <...>. Он сделал и кое-что еще: приказал прикрепить к некоторым скамейкам в парках надписи: “Только для евреев”. Оба шефа секретных служб знали, что каждый из них хранит досье о еврейском происхождении другого в нескораемом шкафу” (стр. 150).

В элите итальянского фашизма, как сообщает историк В. Вулич (“В плену фикций”, журнал “Вече”, № 37, 1990), также состояли евреи: теоретик партии Ариас, основатель римской парторганизации Рокка, министр внутренних дел Финци. Более того, любовницей Бенито Муссолини была журналистка Маргарита Сарфатти, “которую называют духовной матерью итальянского фашизма <...>. Она родилась в богатой еврейской семье в Венеции <...> познакомившись с Муссолини, сыграла важную роль в его превращении из социалиста в лидера фашистского движения, будучи его имиджмейкером, психоаналитиком, автором его зажигательных речей и редактором официального журнала, рупора движения” (русскоязычная газета “Форум”, № 288, 2010. Нью-Йорк).

Холокост, конечно же, стал (при всех спорах об окончательных цифрах) одной из самых массовых “этнических чисток” в истории человечества. И тому способствовали два обстоятельства: преодоление элитой гитлеровского рейха “своей еврейской составляющей” и, конечно же, непримиримое отношение цивилизованных западных евреев к своим восточным родственникам.

* * *

Но здесь необходимо сделать отступление от гитлеровских времен в XIX век. Во время наполеоновских войн, пламенных и бурных, словно внешние грозы, Европа в считанные мгновения истории освободилась от последних пут средневекового бытия. Наступил век буржуазных революций во Франции, в Италии, в Австро-Венгрии, век мощного объединения Германии в бисмарковское государство и в конечном счете век окончательного освобождения европейского еврейства от всякого рода ограничений и притеснений. Более того, с утверждением банковской династии Ротшильдов, которые, по меткому определению Рихарда Вагнера, имея возможность быть “королями банкиров”, предпочли стать “банкирами королей”, а также с выходом на историческую арену Карла Маркса с его “Манифестом”, с националистическим ответом марксизму Теодора Герцля и его соратников по сионизму стало ясно: ближайший ход мировой истории будет во многом зависеть от того, как человечество совладеет со всеми этими тектоническими сдвигами, скоростно родившимися, как близнецы, из темной и, казалось бы, уже бесплодной утробы еврейства. Через две тысячи лет после появления христианства еврейство снова властно вышло на поверхность мировой жизни. Однако, как ни парадоксально, это триумфальное появление на авансцене истории одновременно рождало из среды самого еврейства немало пророков, выступавших с самыми мрачными прогнозами относительно судеб “избранного народа”.

Вениамин Дизраэли, будущий лорд Биконсфильд, не раз предупреждал своих современников о том, какую роковую роль в разрушении европейской

жизни играют ашкенази — восточноевропейские местечковые революционеры. **“Эта мощная революция развивается полностью под еврейским руководством <...>. Во главе всех тайных обществ стоят люди еврейской расы”**. Однако на пути этой революционной силы стояло сословие европейских ассимилированных евреев сефардов, о которых знаменитый в свое время американско-английский писатель Дуглас Рид в книге “Спор о Сионе” пишет так:

“Начиная с Французской революции жившие во Франции евреи постоянно предостерегали против пришельцев с Востока, провоцировавших вечные беспорядки и столкновения с коренным населением в Эльзасе; евреи Сефарды противились этому злему поветрию, дувшему с Востока. Уравнение в правах сняло с них многочисленные ограничения, и они рисковали потерять все полученное, если бы “разрушительный принцип”, принесенный с Востока талмудистской сектой евреев-ашкенази, остался победителем в своей войне против христианской Европы. Предостережения Дизраэли были обращены именно к ним, возможно, в еще большей степени, чем к христианам”. Дизраэли был не одинок в своих опасениях. Следующее поколение европейских мыслителей было куда более решительным. Чистокровный ариец, “сумрачный германский гений” Фридрих Ницше и еврейский вундеркинд Отто Вейнингер, живший в Австрии при молодом Гитлере, волею судеб объединились в общей ненависти и к еврейству и христианству, что объективно аукнулось через несколько десятилетий и способствовало практике Холокоста. Семидесятилетний Ницше умер в 1906 году, а двадцатитрехлетний Вейнингер покончил с собой в 1903-м.

Главные книги каждого из них — “Пол и характер” Вейнингера и “Антихристианин” Ницше — сразу же стали культовыми книгами и европейской и русской интеллигенции. Оба они и при жизни и после смерти были ее кумирами. Оба они, каждый по-своему, создали в Европе культ сверхчеловека, властно завладели душами евреев и немцев и определили во многом ход мировой мысли на несколько десятилетий вперед. Книга Ницше была издана в России неимоверными для того времени тиражами, книга Вейнингера лишь за первые пять лет после самоубийства автора выдержала 10 изданий.

“В страницах его книги, — писал в предисловии к одному из них модный критик А. Вольтский (Флексер), — целым пожаром горит та мучительная психология, которая так естественна для еврея, критикующего свой народ. Это одна из самых “своеобразных” философий антисемитизма”.

О Христе ариец Ницше говорит с ненавистью верховных жрецов иудейского Синдерииона, словами средневековых талмудистов и местечковых раввинов:

“Этот святой анархист, призывавший чернь, отверженных и “грешников”, чандалу иудейского народа, восстать против господствующего порядка языком, который, если можно верить евангелиям, и нынче привел бы в Сибирь, был политическим преступником... Это и привело его к кресту <...>. Он умер за свою вину, — нет ни одного довода за то, что он умер за вину других, сколько бы ни утверждали это”.

Роднит Ницше с отцами сионизма и отношение к слабым мира сего, к “сухим ветвям” племени, которых можно принести в жертву.

“Нет ничего более нездорового в нашей нездоровой современности, чем христианское сострадание. Здесь быть врачом, здесь быть неумолимым, здесь действовать ножом — это наше дело, это наш вид человеколюбия, это делает нас философами, гиперборейями”.

Ну как тут лишний раз не вспомнить высказывания одного из отцов-основателей сионизма о том, что “еврейская кровь — хорошая смазка для создания еврейского государства в Палестине”?

Конечно же, такая сионистско-арийская идеология изначально была враждебна православной основе русской культуры со всеми ее великими именами, и Ницше с его хищным мышлением прекрасно понимал это:

“Станный и больной мир, в который вводят нас Евангелия, — мир словно из русского романа, где как будто происходит rendez-vous отбросов общества, нервных страданий и детского идиотизма...” “Можно пожалеть, что вблизи этого интереснейшего декадента не жил какой-нибудь Достоевский”.

Именно такими же образами оперируют талмудические тексты о Христе, как о “сновидце”, “больном еретике”, “идиоте”; именно поэтому первое поколение победивших после 1917 года литераторов-прокуроров вроде Виктора

Шкловского и Емельяна Ярославского призывало общество к суду над Достоевским; наверное, поэтому прямой духовный потомок этих “суперменов” Анатолий Чубайс недавно не выдержал и проговорился, что он ненавидит автора романов “Идиот” и “Братья Карамазовы”... Может быть, в припадке гордыни в образе Смердякова он узнал себя...

Еврей Отто Вейнингер был по отношению к соплеменникам куда более жесток, нежели ариец Фридрих Ницше.

“Кто ненавидит еврейскую сущность, ненавидит ее прежде всего в себе самом” (“Пол и характер”, стр. 374).

“В Ветхом Завете отсутствует вера в бессмертие. У кого нет души, тот не может чувствовать потребность в бессмертии” (там же, стр. 386).

Однако беспощаднее всех – и Дизраэли, и Ницше, и Вейнингера – был Рихард Вагнер, чьи взгляды, изложенные в работе “Еврейство в музыке”, опубликованной в Санкт-Петербурге в 1908 году, до сих пор вызывают в еврейской среде нешуточные страсти, хотя бы потому, что сам Вагнер был полукровкой.

“Вагнер однажды признался во время прогулки философу Ницше: его отчим актер; еврей Людвиг Гейер – его настоящий отец. <...> Как и Вагнер, Гитлер тоже будет бороться с еврейским началом в себе и преодолет его. Могила Вагнера в Байрейте и позже оставалась для Гитлера местом паломничества. А его будущий главный идеолог Розенберг, сын еврея, иммигрировавшего в Швецию, превратится в Прибалтике в арийца и будет торжественно вещать: “Байрейт – это завершение арийской мистерии” (Х. Кардель, стр. 25).

Не случайно несколько лет назад в Израиле разразился большой скандал, когда один немецкий дирижер приехал на гастроль в Израиль с репертуаром из произведений Вагнера... Одни еврейские меломаны приветствовали эти гастроли, другие шумно протестовали. До сегодняшних дней одна часть образованного еврейства ненавидит Вагнера, другая обожает его “нордическую суперменскую сущность”.

Многие мысли Рихарда Вагнера, вульгарно понятые, впоследствии стали руководством к действию для Гитлера, если вспомнить, что он жаждал переселить восточноевропейское еврейство в Палестину:

“В религии евреи давно уже наши закоренелые враги. А в чистой политике мы, хотя и не приходили с ними в столкновение, но всегда готовы предоставить им основание нового царства в Иерусалиме” (Р. Вагнер. “Еврейство в музыке”. С.-П. 1908 г.).

И конечно же, самая опасная мысль Вагнера о необходимости “изживать из себя еврейство” была взята у него гитлеровским истеблишментом для ее буквального исполнения и воплощения:

“Для еврея сделаться вместе с нами человеком значит прежде всего перестать быть евреем <...>. Такое спасение не достижимо в довольстве и в равнодушно холодном удобстве. Оно стоит тяжких усилий, нужды, страха, обильного горя и боли.

Принимайте же не стесняясь, мы скажем евреям, участие в этой спасительной операции, так как самоуничтожение возродит вас! <...> Только это одно может быть вашим спасением от лежащего на вас проклятия, так как спасение Агасфера – в его погибели”.

Конечно, и Ницше, и Вейнингер, и Вагнер в своих размышлениях о судьбах еврейства играли с огнем, не зная, конечно, что это будет огонь Холокоста. Но их откровения нашли благодарную аудиторию.

Западноевропейская апостасийная, а по сути антихристианская интеллигенция с жадностью проглотила сочинения Ницше, Вейнингера, Рихарда Вагнера. Захмелевшая, очарованная диктаторской страстностью стиля, ядовитой смесью опасной правды и притягательной площадной лжи, она восприняла их как новых молодых пророков дряхлой Европы. Наша русская интеллигенция вслед за европейской – лишь бы не отставать от Запада! – тут же бросилась в бездну этих соблазнов, не смущаясь ни площадной вульгарностью, ни провокаторской энергией этих незаурядных умов. Религия сверхчеловека одурманила головы целого поколения и подготовила Европу к усвоению гитлеровской “Моей борьбы” и розенберговского “Мифа XX века”. Но слава Богу, на этом этапе мы уже были отгорожены от коричневых соблазнов Европы советской цензурой и железным занавесом.

Не случайно же, размышляя о Вагнере, Отто Вейнингер, который, видимо, обладал незаурядным провидческим даром, предсказал явление в немецкой истории фюрера народу.

“И другому человеку, еще более великому, чем Вагнер, дано будет преодолеть в себе еврейство, прежде чем он найдет свою миссию” (О. Вейнингер, стр. 376).

Однако, в отличие от Ницше, Вейнингер не порывал до конца с христианством, надеясь, что этот будущий спаситель Германии от фарисейского еврейства будет опираться на опыт Христа:

“Христос тот человек, который преодолевает в себе сильнейшее отрицание – еврейство, и тем самым создает сильнейшее утверждение – христианство, как самую крайнюю противоположность еврейства” (О. Вейнингер, стр. 406). Маниакальная иллюзия своего мессианства всегда владела сознанием Гитлера. Еще не ставший кумиром Германии, 18 декабря 1926 года на празднике Рождества Христова в одной из мюнхенских пивных он вещал:

“Рождение Человека, которое празднуется сегодня, имеет для нас, национал-социалистов, огромное значение. Христос был нашим величайшим предшественником в борьбе против еврейского всемирного врага. Он был величайшим бойцом, какой когда-либо жил на земле. Дело, которое Христос начал, но не докончил, я доведу до конца <...>.”

Целью галилеянина было освободить свою страну от еврейского гнета” (Х. Кардель, стр. 180).

Вот так в больном пропагандистско-плебейском сознании “мессии” национал-социализма Царство Божие, которое должно зародиться в душах человеческих и по Евангелию быть “не от мира сего”, обретало зловещие очертания будущего “тысячелетнего третьего рейха”.

* * *

Более подробное и тщательное изучение генетических комплексов Холокоста открывает исследователям еще одну тайну “еврейского антисемитизма”. Оказывается, что мировое еврейство отнюдь не однородный организм, как это нередко кажется представителям других народов. Оказывается, что “в европейской иерархии западные евреи, сефарды, стоят выше, чем ашкенази” (Х. Кардель, стр. 77).

“Гитлеру в его борьбе против восточных евреев оказывали финансовую поддержку западные евреи из Нью-Йорка, которые и сегодня не позволяют хоронить на своем кладбище ни одного восточного еврея, даже если он живет в Нью-Йорке уже в третьем поколении” (стр. 95).

“Гитлер хорошо научился различать культурных и образованных евреев и приезжающих с Востока лапсердачных еврейских торгашей. Он знал о старинной вражде между ними на протяжении столетий. Когда после проигранной Первой мировой войны польские евреи начали массами заселять Берлин, еврей Ратенау, министр иностранных дел Веймарской республики, заговорил об “азиатских ордах на песках Бранденбургской марки” (стр. 38).

О сефардах и ашкенази, о западной и восточной ветвях еврейства я узнал еще в 70-х годах прошлого века, прочитав изданные в 1979 году советским издательством “Прогресс” мемуары видной функционерки из ГДР Мишкет Либерман, озаглавленные “Из берлинского гетто в новый мир. Мемуары антифашистки”. Это был живописный и подробный рассказ о том, как еврейская община из Галиции, прожившая века в замкнутом талмудическом мире под властью раввинов, после начала Первой мировой войны, спасаясь от ее ужасов, переселилась не просто в глубь Германии, а в Берлин, и не просто в Берлин, а в его центр – в район Александерплатц и знаменитой Линденаллеи, в течение полутора лет (в 1915–1916 годах) вытеснив оттуда немецкое население. Евреи-беженцы организовали в сердце Германии свое гетто и начали жить в нем по своим законам и обычаям. Вот несколько отрывков из этой откровенной книги: *“Да, и в Берлине было гетто. Добровольное... У гетто было свое продовольственное снабжение... Евреи-иммигранты сами отрезали себя от внешнего мира. Они жили, как Моисей на Синайской горе: строго следовали десяти заповедям и сотням запретов... Большинство ортодоксальных евреев – и старых, и молодых – не умели читать и писать по-немецки... Девочкам при-*

ходилось совсем плохо. Они сидели дома и ждали, когда наступит брачный возраст. Смешанный брак считался у верующих евреев самым большим грехом. О нем вообще не могло быть и речи...” О матери: “Какие были у нее волосы, не знала она сама. Она их просто не имела со времени свадьбы. Ее заставили сбрить их, прежде чем идти к алтарю. Так требовал ритуал. Теперь она стригла их каждый месяц. Почти до лысины. Она носила парик, который делал ее старше и еще некрасивей. Мужчинам ритуал запрещал стричь волосы. Они носили длинные бороды и пейсы почти до плеч. Безумный мир...”

О сестрах: “...они накрывали праздничный стол. Все было приготовлено еще в пятницу. Еда стояла в печи. Ее накрывали перинами, чтобы она держала тепло целые сутки. Еда действительно не остывала, но прокисала, особенно летом. Отсюда столько страдавших желудком из числа фанатичных”.

“Участвовать в пирушке женщинам не позволялось. Ни молиться в одной комнате с мужчинами, ни сидеть за одним столом”.

“Пурим был очень веселым праздником. Как ночь карнавала. Пурим основан на легенде о прекрасной Эстер, еврейской жене персидского короля Артаксеркса. Эстер удалось удержать министра Хамана от убийства евреев. В этот день в гетто царили дети и молодежь. Они наряжались, ходили от дома к дому и разыгрывали эту легенду. Вечером они шли гурьбой в синагогу, захватив с собой трещотки. Как только раввин произносил имя Хамана, они начинали трещать. Возникал оглушительный шум, все смеялись и радовались. Вот и дали же мы антисемиту Хаману!”

“Птице связывали ножки, крутили ее над головой и при этом произносили молитву. Малышам надо было все время повторять: “Тебе на смерть, а мне для жизни”. Мой маленький братик тоже шепелявил эти слова, в то время как отец крутил петуха над его головой. Затем животных доставляли еврейскому мяснику, чтобы они были зарезаны по ритуалу”.

Оказывается, не все евреи похожи на Альберта Эйнштейна, на лорда Дизраэли или на Иосифа Кобзона. Среди них в начале XX века жила ветвь, цивилизованная не более, чем племя таджикских огнепоклонников, с которыми я встречался в горах Памира, или африканская народность тутси... Зная все это, начинаешь понимать Ратенау, называвшего восточных евреев “азиатскими ордами на песках Бранденбургской марки”, и даже мысль Гитлера становится понятной, когда он говорил о том, что **“нам необходимо избавиться от этого груза, отправить этот народ туда, откуда он пришел – в пустыню”** (Х. Кардель, стр. 127).

В связи с этим на поверхность истории всплывает один весьма щепетильный вопрос, проясняющий, почему американские и европейские банкиры из сословия сефардов помогали национал-социалистической партии обрести власть и становиться на ноги, почему нефтяной король Детеринг, основатель фирмы “Шелл” Самюэль Маркус, банкир Варбург помогали становлению фашизма. Ответ напрашивается сам собой: потому что в их глазах советский коммунизм олицетворяли местечковые варвары “с косматыми сердцами”, по выражению В. Шульгина.

“В начале 20-х годов гамбургский банкир Варбург посоветовал немецкому президенту Эберту остановить наплыв восточных евреев. Когда один посланник Уолл-стрита, который должен был обеспечить Гитлера деньгами, засомневался в последнем и спросил Варбурга о его мнении, тот со смехом ответил: “Гитлер сильный человек, и он нужен Германии. Под евреями Гитлер понимает галицийских евреев, которые после войны стали чумой Германии. Евреев чисто немецкого происхождения он признает абсолютно однородными” (Х. Кардель, стр. 95).

Весьма глубоко и своеобразно понимал сущность еврейско-немецкого “узла” Генрих Манн, который незадолго до конца войны, обращаясь к разгромленным соотечественникам, писал в “Слове к Берлину” о причинах изменения политики американского истеблишмента к фашистской Германии, о том, почему американские евреи сначала помогали национал-социализму встать на ноги, а потом вступили с ним в беспощадную борьбу:

“Теперь вы можете знать, что это на самом деле было: насильственное прекращение вашей революции (фашистской. – **Ст. К.**). Они предотвратили ваше социальное движение, потому что некоторые магнаты использовали его против других народов (речь идет об истреблении восточноевропейского еврейства. – **Ст. К.**). Их порученец Гитлер так же не был немцем, как и они”.

История, как любил говорить Карл Маркс, западный еврей, осуществляется, как трагедия, а повторяется, как фарс. Об этом вспоминаешь, когда до тебя доходят вести о том, как арабская молодежь громит магазины и поджигает автомобили в окрестностях Парижа, как ужасаются чопорные англичане при виде целых кварталов Лондона, оккупированных пакистанцами, или о том, как датский карикатурист, изобразивший в карикатурном виде пророка Мухаммеда, скрывается от мусульманских мстителей.

Но разве этот фарс, этот своеобразный реванш Востока не связан историческими корнями с воплями фюрера на арийских сходках 30-х годов о наступлении на Европу “жидобольшевизма”?

“Гейдрих при создании своих зондеркоманд в 1941 году (...) говорил полицейским перед отправкой на Восток своим звонким резким голосом: “Восточное еврейство – это резервуар большевизма, и поэтому, по мнению фюрера, его необходимо уничтожить” (Х. К. – стр. 195).

“По мере эмиграции евреев в США сефарды стали сетовать, что “сброд” грозит наводнить побережье, а восточные евреи, которых они так обзывали, жаловались, что при въезде в США эти “аристократические евреи допрашивали их как преступников” (там же, стр. 78). Может быть, поэтому корабль “Сент-Луис” с ашкенази на борту не был принят в 1939 г. американскими сефардами, потомками голландских и английских евреев, и вынужден был вернуться обратно в Европу, где вскоре его пассажиры были погружены в вагоны и отправлены в восточноевропейские лагеря антисемитской Польши, в Освенцим и Дахау, над воротами которых изгибались громадные лозунги: “Работа – освобождает”...

“Эйхман стал работать под руководством офицера СС, еврея Леопольда фон Мильденштейна, друга сионистов, который планировал “пробудить в возможно большем числе евреев стремление уехать в Палестину”. “Товарищи по СС удивлялись, как этот еврей Эйхман с ярко выраженным семитским носом попал в их круг <...>, но их обрывали: “Молчать! Приказ фюрера!” (Х. Кардель, стр. 131).

А нацистская молодежь в это время, маршируя по улицам немецких городов, скандировала, запугивая еврейских обывателей: *“Пускай они уедут в свой Иерусалим, и пусть их там встречает их прародитель Сим” (там же, стр. 59).*

Но был ли легендарный Сим прародителем восточноевропейских евреев? И подтверждает ли история их семитское происхождение? На эти вопросы мысль человеческая в разные времена давала разные ответы.

* * *

Длительное время историческая наука считала, что восточноевропейское еврейство – это потомки евреев, которые в VII–VIII веках пришли вместе с арабами в Испанию, потом постепенно расплозились по западноевропейским сторонам, но, начиная с XII века, спасаясь от погромов и депортаций, происшедших в Англии, Испании, Португалии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии (это был первый “холокост”, во время которого евреи потеряли около 40% своего этноса), они перекочевали в Восточную Европу, в основном в Польшу и Галицию, где замкнулись от внешнего мира в местечковых гетто аж на несколько столетий.

Однако более тщательные исторические исследования, проведенные в XX веке, отвергли эту гипотезу.

После трудов еврейского историка Кастейна, книги Дугласа Рида “Спор о Сионе” и особенно после издания книги “Тринадцатое колено” А. Кестлера взгляд на происхождение восточного еврейства круто изменился.

Все они, и убедительнее всех венгерский еврей Артур Кестлер, с железной логикой доказали, что восточноевропейские евреи ашкенази являются прямыми потомками тюркского племени и никакой общей крови с западными евреями-сефардами не имеют. А объединяет их с семитами не кровь, а всего лишь иудейская вера, которую их предки хазары приняли в VII–VIII веках новой эры через константинопольских раввинов.

До конца XVIII века европейские народы считали евреями исключительно сефардов, сохранявших память о своем пути из Ханаана через Северную Африку и Испанию в Западную Европу. На таком длительном пути они, конечно,

не могли сохранить полную расовую чистоту и полную сохранность иудаистской религиозной жизни, и потому некоторые историки считают их “нечистыми евреями”, но присутствие в их жилах семитской крови несомненно, как несомненно и то, что они со страхом относились к своим якобы соплеменникам ашкенази, которые, не имея никаких оснований называть себя семитами, тем не менее имели перед сефардами преимущество в соблюдении всех расистских законов Торы, Талмуда и Шулхан Аруха, благодаря замкнутой жизни в гетто под властью всемогущего восточноевропейского раввина.

Вот как описывает все эти противоречия в иудаистской среде Дуглас Рид: “Западные, испанские евреи-сефарды в массе своей были против революции. Она была направлена не только против христиан, но и против них самих, поскольку в результате эмансипации в Европе сефарды в значительной степени ассимилировались и вышли из-под влияния старейшин иудаизма, теряя свою власть в итоге слияния множества евреев с остальным человечеством. Сегрегация была жизненно необходима талмудистскому иудаизму; интеграция означала его смерть <...>. До этого Запад знал только один вид “евреев”, и это были сефарды. По словам Кастейна, относящимся к тому времени, когда Дизраэли впервые указал на еврейское руководство революцией, “с этого момента можно говорить о восточных и западных евреях”. Фактически эти столь различные группы существовали независимо друг от друга около тысячи лет <...> многовековая, ничем не ограниченная власть раввинов в местечковых гетто спаяла восточных евреев в единую массу <...>. Они были идеальным материалом, представляя варваров азиатского происхождения, прошедших вековую талмудистскую тренировку в условиях строжайшего восточного деспотизма”.

“Запертых в местечковых гетто восточных евреев-ашкенази заставляли сопротивляться эмансипации всеми возможными средствами, не останавливаясь, если нужно было, и перед убийствами”.

“Автор этих строк долго жил в Европе и хорошо помнит, с каким недоверием и даже страхом западные евреи смотрели на восточных, видя в них угрозу насильственного возвращения в гетто к раввинскому абсолютизму. Немецкие евреи не говорили о восточных евреях иначе как с отвращением: “diese ostjuden”; восточные же, переселившиеся после Первой мировой войны из России и Польши в Германию, в свою очередь с презрением называли живших в Германии единоверцев “dise Berliner”!

Я предвижу, какие могут быть возражения этой системе аргументов. Когда я привел их в разговоре с трезво мыслящим историком и публицистом еврейского происхождения, он поморщился: “Дуглас Рид — человек правых англо-саксонских взглядов, он ведь был близок к Генри Форду с его тенденциозной книгой о еврействе!” Поэтому, чтобы достичь предельной объективности в этом щепетильном вопросе, мы приведем несколько выдержек из энциклопедии “Холокост”, созданной коллективом еврейских историков во главе с американским куратором Уолтером Лакером, которых ни в коем случае невозможно заподозрить ни в какой “антисемитской тенденциозности”.

Энциклопедия впервые была издана в Лондоне в 2001 году, а переведена и переиздана в России издательством “Роспэн” в 2005 г. с помощью посольств США и Франции, при участии Института толерантности Всероссийской Государственной библиотеки иностранной литературы.

Из энциклопедии “Холокост”, статья “Британские евреи”:

“В 1930-х годах британские евреи пережили период глубоких и болезненных социальных перемен. Небольшая, но уважаемая община сефардов утратила свое доминирующее положение. Ведущую роль перехватила элита богатой ашкеназской общины, представители которой возглавили руководящие органы британского еврейства”.

“Британских евреев разделяло многое: происхождение, принадлежность к разным поколениям и классам, место жительства, идеология, иммигрантов из восточной Европы, приверженных еврейскому традиционализму, оскорблял патернализм англоязычной элиты. Европейская молодежь, родившаяся в Великобритании (преимущественно рабочие), чувствовала отчуждение от культуры родителей иммигрантов (то есть уходила из-под власти Талмуда и раввина. — Ст. К.), но в то же время слабо приобщалась к духовным ценностям основной части англо-еврейского общества”.

К этому можно добавить, что евреи-сефарды в то время уже глубоко просочились в слои британской аристократии: “виконт Герберт Самюэль”, “лорд Рединг”, “лорд Мелчетт” – такого рода титулы уже не удивляли высшее общество. Да и сам Уинстон Черчилль по материнской линии, как утверждают некоторые источники, был полукровкой, подобно Рудольфу Гессу.

Но тем не менее, когда после аннексии гитлеровским Рейхом Австрии наплыв еврейских иммигрантов в Англию резко увеличился, “еврейские комитеты спасения”, – сообщает энциклопедия “Холокост”, – не могли ни пропустить массы евреев, желавших попасть в Великобританию, ни обеспечить их гарантиями”. Тогда Отто Шифф, глава Временного убежища для евреев, предупредил английские власти, “что Комитет помощи немецким евреям больше не в силах справляться с административными и финансовыми проблемами, и предложил временно приостановить въезд беженцев в страну” (! – Ст. К. Стр. 98). “Называя австрийских евреев “лавочниками и мелкими торговцами”, Шифф настойчиво побуждал их либо вписаться в британский образ жизни, либо резмигрировать. Подобные предрассудки ограничивали возможность въезда в Великобританию евреев-ортодоксов” (энциклопедия “Холокост”, стр. 100).

“После падения Франции (1940 г.) новый премьер-министр У. Черчилль приказал ввести массовое интернирование иностранцев на том основании, что в их среде могла скрываться “пятая колонна” (! – Ст. К.). К началу июня 1940 г. было задержано около 27 тысяч беженцев, из них 5 тысяч выслано в Канаду и Австралию. Поначалу британские евреи весьма пассивно относились к массовому интернированию еврейских беженцев, в том числе и тех, кто уже прошел через Дахау и Бухенвальд. Такая политика была едва ли не одобрена влиятельной газетой “Европейская хроника”, номер 17.05.1940 г.” (стр. 100).

“Британские евреи по большей части стремились эмоционально дистанцироваться от событий в Европе” <...> “18 июня 1944 г. Хаим Вейцман в нарушение принятого ритуала выступал на пленарной сессии Депутатского совета с речью, в которой подверг резкой критике британских евреев”.

“Составной частью британо-еврейской идеологии стала точка зрения, согласно которой в антисемитизме в какой-то степени виноваты сами евреи” (энциклопедия “Холокост”, стр. 102).

Позиция американских евреев была не лучше английской.

“Религиозные обычаи восточноевропейских евреев, консервативные и традиционные, нелегко приспособлялись к протестантской культуре США <...> враждебность к приехавшим раньше иммигрантам из Германии и Центральной Европы подогревалась классовыми и культурными различиями. Достаточно сказать, что немецкие евреи назывались “верхний город” (uptown), а восточноевропейские – “нижний город” (downtown).

В первую очередь разногласия выражались в том, что евреи “нижнего города” (ашкенази. – Ст. К.) продолжали считать себя народом особым, избранным, и тяготели к сионизму” (энциклопедия “Холокост”, стр. 25).

В какой-то степени это отношение англо-саксонского и сефардского истеблишмента к ашкенази было, видимо, и своеобразной мстью за те варварские методы, которыми пользовалась “местечковая братва” во время захвата власти и во время гражданской войны в России.

Как бы то ни было, такая политика британской и американской элиты независимо от ее целесообразности объективно увеличивала масштабы того явления, которое сегодня называется Холокостом.

Но после окончания войны американские ашкенази взяли реванш. Борьба двух еврейских сил закончилась, как и должно было быть, капитуляцией одной из них.

В 1954 году в Нью-Йорке состоялась мировая конференция евреев-сефардов, участники которой вынуждены были признать свое поражение в длительной столетней борьбе с “местечковыми ордами” и пришли к горестному заключению, что из почти 12 миллионов евреев, живущих на земном шаре, только 1 млн 744 тысячи (около 15%) могут считаться сефардами, и что лишь 52 тысячи из этих пятнадцати процентов живут в Западной Европе, где в прежние времена других евреев кроме сефардов просто не было.

Дуглас Рид, вспомнив, что в течение всего предыдущего столетия европейские сефарды предостерегали Западную Европу от надвигающейся местечковой опасности, с иронией заметил: “В наказание их (сефардов. – Ст. К.) подвергли “отлучению” путем самой удивительной операции, когда-либо про-

деланной статистиками над целым народом: сефарды в течение одного столетия были объявлены фактически исчезнувшими (подобно “исчезнувшим” таким же образом много раньше десяти “коленам Израиля”) за то, что они “перестали верить в свое особое предназначение, отличающее их от соседей”.

Такова была “кровная месть” потомков хазар по отношению к своим сводным семитским “братьям-отступникам”.

Исторический реванш “неразумных хазар” состоялся. Капитуляция сефардов была принята мировым сообществом. Пророчества лорда Дизраэли оправдались. Однако эта победа имеет свою историю.

* * *

В 1897 году Теодор Герцль со своими единомышленниками предложил евреям “всего мира” собраться в Мюнхене на I Сионистский конгресс. Европейские сефарды в большинстве своем отказались от этой авантюры. Американские евреи заявили, что они не ожидают “ни возвращения в Палестину, ни восстановления каких-либо законов, касающихся еврейского государства”.

Раввины Германии заняли ту же позицию, мюнхенские евреи поддержали их, и Конгресс пришлось проводить не в Мюнхене, а в Базеле.

Когда 197 делегатов прибыли в Базель на “Всемирный конгресс”, оказалось, что все они из Восточной Европы, и среди них, к удивлению “отца сионизма” Теодора Герцля, почти половина участников была из России. Обескураженный Герцль поразился их появлению на арене истории, их местечковой агрессивной сплоченности:

“Перед нами вдруг поднялось русское еврейство, о силе которого мы даже не подозревали. Семьдесят делегатов прибыли из России, и всем нам было ясно, что они представляют мысли и чувства пяти миллионов евреев этой страны. Какое унижение для нас, не сомневавшихся в своем превосходстве”.

Восторженный романтик Герцль! Он-то мечтал о создании государства в Палестине, как о прекрасной утопии, в которой, по его словам, — **“Богатым евреям, принужденным теперь прятать свои сокровища и пировать при опущенных шторах, там можно будет свободно наслаждаться жизнью”**. Наивный человек, представляющий государство евреев как государство исключительно богатых людей, как какой-нибудь Лазурный берег или нынешний Куршавель, как “праздник, который всегда с тобой”, как Рио-де-Жанейро Остапа Бендера, где все ходят в белых брюках.

Но государственность нельзя купить. На деле строителям этого государства пришлось шагать по трупам сначала англичан, потом мирных палестинских феллахов, вооружаться до зубов, расширять пределы своих завоеваний, спать в обнимку с автоматами УЗИ, тайно от всего мира создавать атомное оружие, выучиться всем навыкам терроризма... И все это могли осуществить лишь местечковые фанатики, появление которых на авансцене истории с ужасом предвидел британский сефард лорд Биконсфильд-Дизраэли. А чем закончится этот кровавый проект, пока что не знает никто, разве что один Господь.

Из истории известно только одно: христианство овладело душами сотен народов, построивших несколько десятков больших и малых государств. Мусульманство по количеству объятаго им населения Земли и по числу государств, возникших на базе ислама, не уступает христианству. Буддизм охватил сотни миллионов жителей юго-восточного ареала земли, и все государства с народами, исповедующими учение царевича Гаутамы, подтвердили свою жизнестойкость. Вот какова была роль трех великих мировых религий в создании целых цивилизаций. В их число особой могучей ветвью входит православие.

Иудаизм же рядом с ними отнюдь не мировая, а всего лишь племенная религия, которую приняли в течение земной истории только два племени — древние евреи и тюрки-хазары. И оба эти народа утратили свою государственность, как будто в иудаизме с незапамятных времен живет разрушительный вирус рассеяния, аннигиляции, самоуничтожения. Слово бы в его ДНК заложен мистический ген, отторгающий зарождение государственной “ткани”, а говоря точнее, ген расизма, питающий манию избранности и препятствующий созданию органического полноценного государства, которое во все времена возникало, чтобы объединять людей разных верований и разных национальностей. Да, древняя Иудея и древняя Хазария просуществовали ка-

кие-то небольшие исторические сроки, но иудаистская идея избранности в конце концов подточила основы их существования. Государство Израиль живет полвека с небольшим, но посмотрим, надолго ли его хватит. Поистине, как гласит древнечеловеческая мудрость, народ, выбирающий веру – выбирает судьбу.

Дуглас Рид в “Споре о Сионе” достаточно мудро и взвешенно прокомментировал эту историческую драму:

“Возможно, что за 500 лет до Рождества Христова эти амбиции не выглядели чрезмерно фантастическими в среде примитивных ближневосточных племен и на ограниченной территории известного тогда мира; однако, перенесенные в наш глобальный век (эти слова писались 60 лет тому назад. – Ст. К.), они представляются патологической манией величия, сияющей навязать всему миру древние племенные вождения, порожденные в условиях стычек мелких племен далекой древности”.

А еще в “Споре о Сионе”, в главе, касающейся создания государства Израиль, есть одно пророчество, особенно актуальное сегодня, после ряда арабо-израильских войн, после иракской войны и особенно после того, как в современной истории завязался ирано-израильский узел:

“С образованием Всемирной сионистской организации, которую западные державы вскоре признали, как власть, стоящую выше их самих, эта “жгучая проблема” стала управляться ходом исторических событий. То, что от нее зависит и “будущее всего мира”, стало ясно в 1956 г., когда заканчивалась эта книга; в начале этого года политические руководители Америки и Англии вынуждены были с досадой и горечью признать, что следующая мировая война может начаться в любой момент именно в том месте, где они устроили еврейское государство, и они мечутся с тех пор взад и вперед по земному шару, пытаясь предупредить это “завершение”.

Что ж, как говорит русская народная пословица, – за что боролись, на то и напоролись...

* * *

В 1922 году в Берлине вышла в свет брошюра, на титуле которой было напечатано: “Ахадъ Хамъ (Ашер Гинцберг). Тайный вождь иудейский”. Автором брошюры был объявлен некий L. Fry, переводчиком с французского на немецкий Ф. Винберг. Перевод был сделан с публикации из журнала “La vieille France”. Суть этой публикации заключалась в попытке доказать, что автором “Протоколов сионских мудрецов” был отнюдь не основоположник политического сионизма Теодор Герцль (такая версия имела хождение), а подданный Российской империи еврейский религиозный и политический деятель Ашер Гинцберг, публиковавшийся в те времена под псевдонимом “Ахад Хам” (“один из народа”). Гипотеза эта базировалась на том, что “Протоколы” сначала были якобы написаны на древнееврейском языке, которым не владел Герцль, но который в совершенстве знал Гинцберг, и что оригинал этого документа, написанного на иврите, не только видели (аж в 1890 году!) некие евреи, жившие в Одессе, но и в руках его держали. Но перевод на французский язык был будто бы сделан специально для участников I Базельского конгресса сионистов (1897 год), не знавших иврита, и что одна из “французских” копий попала в руки Сергея Нилуса. Отсюда и потянулась вся дальнейшая запутанная и до сих пор еще темная история знаменитого манифеста сионских мудрецов.

Гипотеза эта в брошюре не выглядит достаточно аргументированной, однако сама публикация, если не обращать внимания на антиеврейские банальности, типичные для патриотической немецкой прессы тех лет, содержит в себе немало свидетельств и фактов, полезных для объективного историка и проливающих некоторый свет на историю Холокоста.

Ашер Гинцберг, как утверждает автор брошюры, “родился в Сквире Киевской губернии 5 августа 1856 г. Его родители принадлежали к еврейской секте хасидов <...>, семнадцать лет он женился на внучке Менахема Менделя, знаменитого раввина из Любавичей”...

Надо сказать, что поскольку раввинат в современном иудаизме – высшая кастовая власть, то такого рода брак можно считать приобщением к правящей династии восточного еврейства.

“В 1886 г. он окончательно поселился в Одессе”, где основал тайное общество “Бне Мойше” (“сыны Моисея”). К тому времени он начинает получать крупную финансовую поддержку от известного еврейского торговца чаем К. Высоцкого.

Название общества объясняется особым поклонением Гинцберга пророку Моисею, а также тому, что “в течение ряда веков евреи верили, что существует где-то в неведомом месте ответвление еврейского племени, совершенно отделенное от прочих своих соплеменников и состоящее из прямых потомков по прямой линии Моисея. Эти “сыны Моисея” будто знают тайну, открывавшую способы и средства, с помощью которых евреям суждено добиться покорения всего мира”. (из брошюры об Ахад Хама).

Гинцберг с группой своих соратников принял участие в Базельском конгрессе сионистов и когда выяснил намерения вождей западноевропейского сионизма, их идеологию и тактику, то “сделался определенным их противником. Существовавший в то время официальный сионизм он прозвал “политическим”, свой же собственный “духовным” или “практическим” <...>. “Политический сионизм” Герцля был исполнительным органом независимого ордена “Бнай Брит” и группировал вокруг себя всех евреев Западной Европы и Америки” <...> “Практический сионизм” Ахад Хама собрал под свое знамя евреев Восточной Европы”.

Вскоре между Герцлем и Ахад Хамам возникла ожесточенная полемика. Герцль, как сказано во французской брошюре, “был евреем западным, “ассимилированным” и никогда не испытывал беспощадной ненависти к неевреям”. Он призывал евреев к тому, чтобы они чувствовали себя гражданами тех стран, где они жили в диаспоре, не порывали с их культурой, языком, образом жизни, даже к ассимиляции он относился спокойно, чего фанатик будущего национал-сионистского Израиля не мог принять. И когда Герцль в 1903 году издал роман “Старая новая родина”, в котором изложил свои взгляды на сионизм, Ахад Хам впал в ярость и жестоко высмеял западного либерала Герцля в своем журнале. Ближайший сподвижник Теодора Герцля Макс Нордау заступился за основоположника политического сионизма:

“Ахад Хам упрекает Герцля в желании подражать Европе. Он не может допустить и мысли, чтобы мы перенимали у Европы ее академии, ее оперы, ее “белые перчатки”. Единственное, что он хотел бы перенести из Европы в “старую новую родину”, — это принципы Инквизиции, приемы и способы действий антисемитов, ограничительные законы Румынии в той форме, в какой они нынче принимаются против евреев. Такие чувства и мысли, им высказанные, могли бы вызвать ужас и негодование против человека, не способного подняться выше уровня гетто <...>. Идея свободы — выше его понимания. Он представляет себе свободу в виде гетто, но только с переменной ролей; так, например, по его мнению, преследования и угнетение должны существовать по-прежнему, но с тою разницей, что уже не евреи будут их жертвами, а христиане*.

Великую ошибку совершают те евреи, которые доверяют Ахад Хама! Он ведет их к пропасти”.

Однако после того, как Герцль в 1904 году умер при весьма таинственных обстоятельствах, на двух ближайших сионистских конгрессах 1911-го и 1913 года восточные комиссары, возглавляемые Ахад Хамам, Хаимом Вейцманом, Захером и другими отморозками еврейства, сокрушили сопротивление толерантных сторонников Герцля.

“На этих конгрессах сионисты “политические” “Бнай Брита” приняли всю программу сионизма “практического” восточных евреев <...> принуждены были уступить свое место восточным евреям, русским, румынским, галицийским, прошедшим школу Ашера Гинцберга”.

О том, что просвещенные образованные российские евреи опасались своей дикой родственной ветви, живущей в черте оседлости, свидетельству-

---

* Все перечисленное составляет содержание сегодняшней израильской жизни. Вполне возможно, что эта тирада была написана Максом Нордау после того, как он прочитал “Протоколы сионских мудрецов” и поверил, что они принадлежат перу Ахад Хама. “В своем труде, озаглавленном “Переоценка ценностей”, по мысли и стилю представляющем точное подобие “Протоколов”, Ахад Хам применяет учение Ницше о “сверхчеловеке” к еврейскому народу, который он называет “сверхнацией”, — пишет автор разбираемой нами работы.

ет деятельность И. Гурлянда, о которой личный секретарь Григория Распутина Арон Семанович пишет так: “Господин Гурлянд по рождению своему еврей, сын раввина в Одессе, перешедший уже взрослым в христианство сделался страшным юдофобом . . . Он был главным редактором правительственной газеты “Россия” . . . Он имел сильное влияние на царя в еврейском вопросе. Я подозреваю даже, что фактическим застрельщиком процесса Бейлиса был Гурлянд. Во всяком случае он был неофициальным руководителем по этому поводу проводимой антиеврейской пропаганды. Совещение о том, как использовать этот ритуальный процесс вообще в борьбе с еврейством, состоялось на его квартире”.

Последнюю попытку разобраться в отношениях сефардов и палестинских арабов со “спецназом Ахад Хама” сделал в 1912 году один из ярчайших публицистов сионизма Владимир Жаботинский.

“У нас, евреев, с так называемым “Востоком” ничего общего нет, и слава Богу. Поскольку у наших необразованных масс (читай “ашкенази”. — Ст. К.) имеются духовные пережитки, напоминающие “Восток”, надо наши массы от них отучить, чем мы и занимаемся в каждой приличной школе < . . . >. Идем мы в Палестину, во-первых, для своего национального удобства, а во-вторых, как сказал Нордау, чтобы “раздвинуть пределы Европы до Евфрата”; иными словами, чтобы начисто вымести из Палестины, поскольку речь идет о тамошнем еврействе нынешнем и будущем, все следы “восточной души”. Что касается до тамошних арабов, то это их дело; но если мы можем им оказать услугу, то лишь одну: помочь и им избавиться от “Востока”.

“Поскольку же нам, в течение переходного периода, или после, придется в Палестине жить среди окружения, пропитанного дыханием “Востока”, — будь это окружение арабское или староверо-еврейское, все равно — рекомендуется тот жест, который каждый из нас невольно делает, когда проходит в пальто по узким “восточным” улицам Стамбула, или Каира, или Иерусалима: запахнуть пальто, чтобы как-нибудь не запыхтелось, и смотреть, куда поставить ногу. Не потому, что мы евреи; и даже не потому, что мы из Европы; а просто потому, что мы цивилизованные люди”.

(В. Жаботинский. “Избранное”. 1978 г. Израиль, статья “Восток”, 1912 г.)

Конечно же, это исповедь “цивилизованного колонизатора”. Но чтобы показать бесчеловечную последовательность одного из идейных основателей сионизма, приведу еще одно его высказывание, полное предельного высокомерия и полной уверенности в том, что судьбами народов можно распоряжаться, как деревянными фигурками на шахматной доске:

“Европа морально “наша” < . . . > этический пафос, создавший все ее освободительные движения, легший в основу ее социальных переворотов, вскормлен нашей Библией < . . . >. Ее экономический прогресс был бы невыносим без международной торговли и без кредита < . . . > от “Авицебрана” до Эйнштейна десятки тысяч индивидуальных евреев в разных странах лично делали науку, философию, искусство, технику, политику и революцию, одни на высотах мировой славы, как Спиноза, или Гейне, или Дизраэли, или Маркс, другие во втором, и третьем, и десятом ряду. . .”

“Европа наша; мы из ее главных созидателей < . . . > мы начали ее строить еще до того, как начали ее строить афиняне. Ибо главные черты европейской цивилизации: недовольство, “богоборчество”, идея прогресса < . . . > эти черты дали Европе мы”.

“Может быть, мы больше всякого другого народа имеем право сказать: “западная” культура есть плоть от плоти нашей, кровь от крови, дух от нашего духа. Отказаться от “западничества”, сродниться с чем-либо из того, чем характерен “Восток”, значило бы для нас отречься от самих себя < . . . > и соседям нашим по Азии желаем того же: скорейшей ликвидации “Востока” (там же, стр. 255–256).

Красиво все изложено. Но если внимательно вдуматься в эту отлакированную Жаботинским историю, то станет очевидным, что он приписал евреям строительство всей европейской цивилизации и умолчал о том, какую страшную цену уплатили народы Европы за участие в этом строительстве евреев: захват реальной политической власти еврейскими кланами, взращивание и финансирование почти всех европейских революций Домом Ротшильдов и другими финансовыми магнатами Европы, разрушение национальных госу-

дарств, внедрение в людские души атеистического мышления, выдавливание, выхолощивание христианства из жизни народов, работорговля и создание мировой колониальной системы, организация войн мирового масштаба, унесших десятки миллионов жизней и знатных сословий Европы, и европейского простонародья. Да и, в конце концов, создание общества потребления, являющегося последней ступенью к уничтожению всей земной цивилизации.

В сущности, если отвлечься от деталей, Жаботинский еще в 1910–1915 годах сказал многое из того, что было повторено нацистской верхушкой, состоявшей из “четвертинок”, “полтинников” и даже стопроцентных евреев.

Они втайне считали себя потомками сефардов, что давало им право свысока смотреть на восточноевропейское, дикое “хазарское” еврейство, хлынувшее во время Первой мировой войны в города Центральной и Западной Европы.

Сам Жаботинский, видимо, происходил из ашкенази, но очень хотел стать сефардом. И в этом была его противоречивая раздвоенность, его мировоззренческая шизофрения, и даже несоответствие его внешнего облика с убеждением об избавлении европейских евреев от всего “восточного”.

В 1989 году в сборнике “Перестройка и еврейский вопрос”, изданном Антисионистским советским Комитетом, было опубликовано письмо девяностолетнего харьковского еврея П. Довгалевского о том, как он, юный гимназист, в 1910 году встретился в Харькове с молодым Жаботинским.

“Низенький, смугловатый, с некрасивым обезьяньим лицом, говоря со мной о сионистском движении, о будущем еврейском государстве, этот человек совершенно преобразился. Он словно вырос, глаза его горели, лицо стало одухотворенным, прямо-таки прекрасным... Жаботинский напомнил мне протопопа Аввакума, Саваноролу, библейских пророков и яростных членов Синедриона”... но “вряд ли видели Жаботинские в марше своих грез военизированные поселки на склонах гор и в опутанных колючей проволокой долинах, где люди ложатся спать с винтовкой в головах и с пистолетом под подушкой <...>. Как не похож сегодняшний Израиль на то царство, какое рисовалось в мечтах Жаботинскому. Это государство создало свое счастье на несчастье других. Оно изгнало с земли за свои пределы жившее в Палестине арабское население и сотни тысяч людей обрекло на скитания вдали от родины. Сегодняшние сионисты сами посеяли ветер и, если не поумнеют и вовремя не спохватятся, обязательно пожнут бурю”.

Но наш прекраснодушный харьковчанин идеализировал в своих воспоминаниях Жаботинского, потому что последний как раз в те годы, когда произошла встреча двух молодых людей в Харькове, писал: “Мир в Палестине будет, но будет тогда, когда евреи станут большинством или когда арабы убедятся в неизбежности такого исхода; то есть именно когда им станет ясно, что “решение проблемы” не зависит от их согласия”. (В. Жаботинский. “Избранное”, стр. 248).

Вот это уже слова не мальчика, но мужа, сказанные по-гитлеровски за тридцать лет до “окончательного решения вопроса” и до начала Холокоста.

* * *

В отличие от образованных сословий народов Западной Европы и западных сефардов российские сефарды и русская интеллигенция (дворянская, творческая, чиновная, клерикальная и прочая) знали, что представляют из себя революционеры хазарского происхождения.

Знали, но не до конца. Потому что даже самые проникательные из них не ожидали, что произойдет после двух революций 1917 года с выдрессированной равнинами массой местечковой молодежи, которая вырвется из-под власти своих жрецов-дрессировщиков и бросит “в мир, открытый настежь бешенству ветров” (Э. Багрицкий) черную энергию своей талмудической ненависти к этому открытому “и для эллинов и для иудеев” бескрайнему христианскому миру. Освободившись от всех внешних оков иудаистского гетто, это поколение ни на йоту не освободилось от чувства, которое Эдуард Багрицкий назвал “мщенье миру”.

Василий Витальевич Шульгин, знавший эту публику по Украине и Галиции, так отзывался о них в книге “Что нам в них не нравится”. Сначала его по-

разили “лапсердаки и фантастические пейзажи, которые можно было видеть на старинных картинках. Я их впервые увидел “живыми” в 1914 году, когда наши войска вошли в Гатчину; там в полуразрушенном местечке Рава Русская я видел евреев, как бы сошедших со старинных гравюр”. Но через три года он писал о них уже куда как с более глубоким знанием: “Коммунисты ухитрились вытащить на социальные верхи <...> тучи мрачных жидов, выскочивших из гетто. Правда, без пейзажей, но с косматыми сердцами, а в разряд париев посадили недорезанную часть русского культурного класса” (“Что нам в них не нравится”, стр. 171).

Октябрьский переворот поставил под власть местечковых плебеев российское аристократическое еврейство. Оно, боровшееся за права “меньших братьев”, получившее после февральской революции все гражданские права, все политические и экономические перспективы, после Октября враз потеряло их и рассталось со всеми своими привилегиями, со всеми надеждами на участие в будущих парламентских и прочих демократических структурах. Однако российские сефарды, в отличие от западных, не сдались местечковым якобинцам, как овцы. Впервые это сопротивление показало себя жарким летом 1918 года.

20 июня 1918 года при не до конца выясненных обстоятельствах в Питере был убит Моисей Гольдштейн, лодзинский приказчик, который сначала эмигрировал из Польши в Америку, а потом в 1917 году на “корабле Троцкого” под фамилией Володарский прибыл в Петроград, где стал комиссаром Северной коммуны по делам печати, пропаганды и агитации. ЧК арестовало несколько человек, якобы участвовавших в заговоре, кого-то расстреляли, но шумной кампании из дела не получилось. Фигура была незначительная.

Гораздо более громким и трагическим по своим последствиям стало покушение на другого “красного Моисея” — шефа Петроградского ЧК Урицкого. Именно оно, совершенное 30 августа, в тот же день, что и покушение на Ленина в Москве, стало поводом для того, чтобы 2 сентября 1918 г. ВЦИК, где командовал Яков Свердлов, объявил Советскую республику военным лагерем, а 5 сентября Совнарком принял постановление о “красном терроре”.

Словом, знойное лето 1918 года избобило событиями, столкнувшим и Россию в пропасть гражданской войны: левозэсеровский мятеж, мятеж чехословацких военнопленных, страшный декрет о борьбе с антисемитизмом, написанный рукой Якова Свердлова, подписанный Лениным и опубликованный 27 июля 1918 г., через 9 дней после зверского убийства царской семьи. А тут еще несколько покушений. Ну как после этого обойдешься без “красного террора”!

Убийцей Моисея Урицкого оказался молодой человек Леонид Канегиссер, выросший в почтенной сефардской семье. Его дед Самуил был военным врачом, получившим потомственное дворянство в 1884 году, отец Иоаким был знаменитым инженером с европейским именем. В доме отца бывали многие аристократы Петербурга, вплоть до министров.

Леонид Канегиссер дружил с Есениным и бывал у него в Константиново, писал талантливые стихи и восторгался февральской революцией, которая дала ему, крещеному еврею, равноправие и открыла двери в Михайловское артиллерийское училище, сделала юнкером, а впереди его ожидало офицерское звание. Канегиссер был благородным человеком.

*И если, шатаясь от боли,
К тебе припаду я, о мать,
И буду в покинутом поле
С простреленной грудью лежать,*

*Тогда у блаженного входа
В предсмертном и радостном сне
Я вспомню — Россия, свобода,
Керенский на белом коне.*

Однако одновременно он состоял и в сионистской организации, но “гертцлевского”, сефардского типа, а люди такого склада презирали и боялись Урицкого. Один из них, врач Моисей Грузенберг, в те дни отозвался о Канегиссере так: “Он из лучшей семьи Петрограда, и священный долг его был

убить Урицкого. Я даже не остановился бы благословить моего сына, чтобы он убил такого мерзавца”.

Но убийство Урицкого и покушение на Ленина вызвало ответную волну жестокости со стороны высших функционеров власти. Н. Бухарин откликнулся статьей с многозначительным названием “Ленин—Каплан, Урицкий—Канегиссер”, расследовать “дело Урицкого” в Питер приехал сам Дзержинский, который и допрашивал Канегиссера (материалы допроса не сохранились). Нарком внутренних дел Петровский обратился с циркулярной телеграммой ко всем Советам с требованием развернуть “красный террор”: “Ни малейшего колебания при применении массового террора”.

И террор начался. Самый кровавый — в Питере и в Москве. Но и провинция не отставала. На Валдае, к примеру, известнейший русский публицист Меньшиков был расстрелян на глазах у жены и детей без суда и следствия. Был ли террор спровоцирован этими покушениями — до сих пор неясно. Но местечковые Робеспьеры воспользовались ими на полную катушку. Из воспоминаний А. Мариенгофа:

“Стоял теплый августовский день... На улице ровными каменными рядами шли латыши. Казалось, шинели их сшиты не из серого солдатского сукна, а из стали. Впереди несли стяг, на котором было написано: “Мы требуем массового террора”.

Первый список заложников, начинавшийся с фамилий великих князей, появился в “Красной газете” 6 сентября 1918 г. Он состоял из фамилий бывших банкиров, купцов, владельцев типографий, бывших офицеров, правых эсеров, фабрикантов и прочей “монархическо-буржуазной сволочи”. Для острастки сефардов, одобрявших поступок Леонида Канегиссера, в списке было несколько представителей “еврейской аристократии”... Но из дальнейших списков фамилии такого рода исчезли. Списки были подписаны чекистами Г. Бокием и А. Иоселевичем. На следующий день после покушения на Урицкого было “пущено в расход” 929 человек бывших дворян, чиновников, офицеров и членов их семей.

Внешне покушение на Урицкого выглядело, как отмщение молодого поэта за смертный приговор, вынесенный Петроградским ЧК другу Канегиссера по артиллерийскому училищу еврею Владимиру Перельцевейгу, который якобы руководил заговором в училище против власти Зиновьева—Урицкого. Но одновременно покушение это выглядело, с точки зрения евреев-сефардов, как отмщение за их “февральскую Россию”, как кульминация распри между ашкенази (Урицкий) и сефардами (Канегиссер). Но для обывательской еврейской среды в целом оно было и как гром среди ясного неба: “еврей убил еврея!” Этого не допускали ни законы Моисея, ни правила Талмуда, ни заповеди Шулхан Аруха.

Что же касается произошедшего одновременно покушения на Ленина, то, видимо, ни мотивы, ни причины его никогда не будут выяснены. Поставить Фанни Каплан рядом с Канегиссером? — не получается. Тогда она должна быть сефардкой, еврейской аристократкой, просвещенной дамой, а не местечковой “жидовкой”. Версия “мести Ленину” сефардами не убедительна, поскольку он был крещеным в православие, стал образованным юристом, блистательным политическим журналистом с незаурядными задатками философа и историка, русским человеком по отцу. Да и мать его, полукровка из немецко-еврейского семейства врачей Бланков, отнюдь не местечкового, была куда ближе к Дизраэли, нежели к Урицкому.

Его полное равнодушие к иудаизму, атеистический склад природы и последовательная борьба за ассимиляцию российского еврейства не дают основания принять эту гипотезу.

Меня всегда удивляли наши патриоты, придававшие фатальное значение четвертушке еврейской крови, пульсировавшей в ленинских венах и артериях. На мой взгляд, Ленин относился к еврейскому засилью в революции куда более раздраженно и скептически, нежели Сталин. Более того, он позволял себе такие высказывания о еврействе, на которые сам Сталин никогда не решался.

Помнится, что в одном из сочинений 1911-го или 1912 года Ленин неожиданно заявил о том, что в нашем черносотенстве помимо всяческой интеллигентской “затхлости” есть здоровое ядро — “грубый мужицкий демократизм”.

А в начале 20-х годов он же предупреждал Сталина, чтобы последний умел сопротивляться авторитетам и воле еврейских партийных функционеров, а то ведь, заметил Ленин, “на шею сядут”.

Незадолго до революции живший в Швейцарии Ленин встретился с двумя людьми, приехавшими из России, о чем написал в письме:

“Один еврей из Бессарабии, выдавший виды, социал-демократ или почти социал-демократ, брат-бундовец и т. д. понатерся, но лично неинтересен... Другой воронежский крестьянин из старообрядческой семьи. Черноземная сила. Чрезвычайно интересно было посмотреть и послушать”.

Недаром Есенин в “Анне Снегиной” на вопрос своих земляков: “Скажи, кто такое Ленин?” – отвечает: “Он – вы”; а Николай Клюев в 1919 году пишет знаменитые строки: “Есть в Ленине керженский дух, диктаторский окрик в декретах. Как будто истоки разрух он ищет в поморских ответах”.

Да, Ленин признавал, что без местечкового еврейства революция потеряла бы поражение:

“Эти еврейские элементы были мобилизованы против саботажа. Таким образом они имели возможность спасти революцию в этот критический период. Мы имели возможность захватить административный аппарат только потому, что имели под руками этот запас разумной, образованной рабочей силы”.

По некоторым данным, количество “разумной образованной рабочей силы”, хлынувшей в Центральную Россию из-за “черты оседлости” и занявшей почти все большие и малые административные должности, в том числе и ЧК, составляло более миллиона человек.

За эту поддержку “Революции” (то есть за спасение большевистской власти) Ленину пришлось заплатить большую цену, в том числе и подписать чудовищный декрет “о борьбе с антисемитизмом”.

Но в своих стратегических планах Ленин рассчитывал после достигнутой стабильности все-таки уменьшить еврейское влияние в высших эшелонах власти.

В конце 1922-го – начале 1923 года он обратился с письмом к XIII съезду партии (“Завещание” Ленина), в котором попытался совершить своего рода переворот в Центральном Комитете ВКП(б).

“Я советую вам очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе” <...>. “В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни” (в ЦК тогда было 27 человек. – Ст. К.).

По предложению Ленина в новый ЦК должны были войти люди, “стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян”. <...> *“Я предлагаю съезду выбрать 75–100 рабочих и крестьян... выбранные должны будут пользоваться всеми правами членов ЦК”* (т. 45, стр. 343, 348, 384).

Так что местечковому большинству в государственном аппарате было чего бояться. Однако партийные верхи отвергли ленинское предложение, а Троцкий написал в ЦК письмо о том, что такое “расширение” ЦК лишит его “необходимой оформленности и устойчивости” и “нанесет чрезвычайный ущерб точности и правильности работ ЦК”. Вся еврейская часть ЦК поддержала Троцкого, и сущность ленинского письма была сведена к ленинским характеристикам кандидатов на роль генсека, в то время как идея расширения ЦК была куда более важной. Неудивительно, что среди “старых партийцев” распространились слухи, что Ленин после инсульта не в себе, потому и предлагает утопические и вредные для партии реформы. Ленин был действительно болен и, несмотря на свой авторитет, не мог уже провести в жизнь решение, которое сделало бы ЦК более “народным” и более “русским”.

А письмо это настолько было революционным (или контрреволюционным, с точки зрения “иудушки Троцкого”) и опасным для партийных верхов не только 1923 года, но и будущих времен, что его полностью опубликовали лишь в 1956 году.

В сущности, Ленин предлагал то, что осуществил Сталин во второй половине 30-х годов. Ленин, в отличие от Сталина, обладал мастерством открытой политической борьбы, никогда не скрывал своих планов и убеждений, и это обстоятельство могло настроить против него его ближайшее еврейское окружение. Некоторые нынешние историки выдвигают гипотезу о том, что летом 1918 года в центре такого заговора мог стоять Свердлов. А история с Каплан таинственна настолько, что даже имя ее подлинное в одних источниках публикуется как “Дора”, в других “Фанни”.

“Дело Канегиссера” исследовано до мельчайших подробностей, о нем написаны романы, воспоминания, исторические очерки... Об этой же местечковой “Шарлотте Корде” не известно абсолютно ничего, кроме того, что сразу после неудачного дилетантского покушения таинственная фурия была доставлена на допрос к председателю ВЦИКа (“президенту”) Янкелю Свердлову и через три дня следствия (от которого не осталось никаких документов) была расстреляна.

Наверное, тайна эта никогда не будет раскрыта. Любопытны суждения Шульгина о Ленине из книги “Что нам в них не нравится”.

“Гениальность Ленина и состояла в том, что он в водворившемся хаосе увидел еврейского Кита, который плыл среди урагана; уселся ему на спину и поехал к своей цели <...> народная молва, чувствуя истинное положение дела, но расцветивающая его в легендарные краски, утверждает, что Ленин в конце концов возмущился, когда понял, что он только еврейская пешка. И тогда будто бы евреи убили его утонченным и тайным ядом” (стр. 100).

Но как бы то ни было, воспользовавшись двумя оглушительными покушениями, совершенными в один день 30 августа 1918 года, наши ашкенази развязали “красный террор”, число жертв которого до сих пор неизвестно. Одни источники говорят о тысячах, другие о десятках тысяч, третьи о сотнях...

Столица погрузилась в ужас. Все, что потенциально могло сопротивляться, было раздавлено. Не исключено, что и благородный порыв Канегиссера был включен в общую схему этой исполинской провокации.

“Мы сошлись с Осипом Мандельштамом первого мая 1919 года, – пишет в своих “Воспоминаниях” вдова поэта Надежда Мандельштам, – и он рассказал мне, что на убийство Урицкого большевики ответили “гекатомбой трупов”.

Но те, кто в 1918 году во время “красного террора” посеяли ветер, через 20 лет во время “большого террора” пожали бурю.

А что касается сегодняшних оценок истории, то ни Володарский, ни Урицкий, ни Канегиссер, ни несколько десятков благонамеренных сефардов не зачисляются в холокостный поминальник, в отличие от некоторых еврейских жертв 1937–1938 годов, еврейского антифашистского Комитета, “дела Михозэlsa” и “дела врачей”.

* * *

Анализируя события начала века, Василий Витальевич Шульгин пришел к неутешительному выводу о фундаментальном вкладе, который внесли местечковые революционеры в кровавую оргию всех трех русских революций. Он посчитал, что лишь в 1905–1906 годах в России было убито и ранено более 20 тысяч городских, офицеров, государственных чиновников и даже рядовых солдат. Конечно, не все они были убиты еврейскими руками, но очень и очень многие:

“Мардохейская история не умерла. Время от времени дикие мысли о массовой расправе “с врагами” обуревают еврейские мозги. Что это так, нам доказали еврей-коммунисты, которые уничтожали русскую интеллигенцию ничуть не хуже, чем Мардохей вырезал (под именем амановцев) персидский культурный класс” (В. Шульгин, стр. 154).

Как по команде, российские “мардохеи” разделились на два отряда. Один (Ахад Хам, Жаботинский, Вейцман, Бен-Гурион, Голда Меир, Пинскер, Менахем Бегин, Ицхак Шамир, Шимон Перес и т. д.) бросился в национал-сионистскую революцию, а другой (Троцкий, Зиновьев, Урицкий, Свердлов, Губельман-Ярославский, Юровский, Голощекин, Блюмкин, Каганович, Ягода, Бела Кун, Френкель, Розалия Землячка, Уншлихт и т. д.) в обе русские – сначала в февральскую, потом в октябрьскую.

Проницательно писал о генетической общности сионистов и российских местечковых революционеров первого призыва еврейский публицист И. Бикерман в 1923 году:

“Оба с одинаковой решительностью отрекаются от старого мира <...> один и другой имеет каждый свою обетованную землю, которая течет млеком и медом. Это единство схем накладывает удивительную печать сходства на мышление, обороты речи и повадки сионистов и большевиков”.

Сейчас об этой когорте “псов и палачей” (как поется в “Интернационале”) принято говорить толерантно, с интонациями умеренного сожаления: “Неко-

торые евреи в России первые 20–25 лет советской власти активно ей помогали” (из статьи известного диссидента Г. Померанца, “Литературная Россия”, № 28, 1990 г.).

Февраль 1917 года снял с местечковой массы все ограничения в правах, и ее питомцы вместо того, чтобы воспользоваться этими благами и свободами, сразу же показали себя во всей красе:

*Моя иудейская гордость пела,
Как струна, натянутая до отказа.
Я много дал бы, чтобы мой пращур
В длиннополом халате и лисьей шапке,
Чтоб этот пращур признал потомка
В детине, стоящем подобно башне
Над летящими фарами и штыками.
(Э. Багрицкий. “Февраль”)*

От той пламенной эпохи осталось бесчисленное количество свидетельств очевидцев и участников событий, людей совершенно разных сословий и классов, порой враждебных друг другу, но тем не менее с одинаковым ужасом оценивавших небывалый в мировой истории погром, развернувшийся в России.

В 1923 году в Берлине был издан коллективный сборник статей видных деятелей дореволюционного еврейства (скорее всего “сефардов”) И. Биккермана, Г. Ландау, И. Левина, Д. Пинского, В. Мандела, Д. Пасманика под названием “Россия и евреи”, в котором они с ужасом и отчаянием оценили деяния своих сводных братьев иудейской веры и хазарского происхождения:

“Поразило нас то, что мы всего менее ожидали встретить в еврейской среде – жестокость, садизм, насильничанье, казалось чуждое народу, далекому от физической воинственной жизни; вчера еще не умевшие владеть ружьем, сегодня оказались среди палачествующих головорезов” (из статьи Д. Пасманика).

Особенной страстностью, аргументированностью и честностью выделяется в этом эпохальном сборнике статья Иосифа Биккермана. Задолго до еврейского понятия “Холокост” он написал о “русском холокосте” такую правду, от которой до сих пор по истечении девяноста лет душа содрогается и трепещет: *“Если мы свои потери можем еще определять гадательными числами, то русские и этого делать не могут. Кто считал русские слезы, кто русскую кровь собирал и мерил. Да и как считать и мерить в этом безбрежном и бездонном море”*.

Василий Гроссман в своем известном сочинении “Все течет” обвинил Россию и русский народ в изначальном стремлении к рабству. “Россия – раба” – эту расхожую фразу Гроссмана в начале перестройки кто только не повторял, начиная от Александра Яковлева и кончая каким-нибудь Коротичем или Радзиховским.

Иосиф Биккерман был честнее. Он в первую очередь обвинил своих соплеменников в рабском следовании логике террора:

“Когда ж это мы превратились в рабов? – гневно вопрошал Биккерман местечковых фанатиков. – Когда же это мы дошли до оголтелости, где и когда еврейский народ растерял драгоценнейшее свое достояние: накопившийся в течение веков и под всеми земными широтами жизненный опыт, в котором залог устойчивости?”

И совершенно хрестоматийным и точным с исторической точки зрения является отрывок из статьи Биккермана, который, как я предполагаю, был внимательно прочитан в 20-е годы и русской эмиграцией, и русскими патриотами, оставшимися в России, и некоторыми европейскими политиками.

“Русский человек никогда прежде не видел еврея у власти; он не видел его ни губернатором, ни городовым, ни даже почтовым чиновником. Бывали и тогда, конечно, и лучшие и худшие времена, но русские люди жили, работали и распоряжались плодами своих трудов. Русский народ рос и богател, имя русское было велико и грозно. Теперь еврей – во всех углах и на всех степенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе невской столицы, и во главе Красной Армии, совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект св. Владимира носит теперь славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект

переименован в проспект Володарского, а Павловск – в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей и палачом...”

Всем современникам было понятно, что в этом отрывке, где не названо ни одной фамилии, речь идет о еврейском триумvirате, захватившем полную власть над Россией во время болезни Ленина – о Троцком-Бронштейне, о Каменеве-Розенфельде и о Зиновьеве-Апфельбауме... .

Книга “Россия и евреи” – повторюсь – была издана в 1923 году в Берлине. Но мысли и стилистика этого отрывка были столь впечатляющими, что я выдвигаю гипотезу о том, что он, как некая матрица, властно повлиял на публицистику самых разных его современников.

Во-первых, я уверен, что его читал друг Есенина, русский националист Алексей Ганин, которому Есенин, возвращавшийся из Америки в 1923 году, мог привезти эту книгу из Берлина, где у него произошла знаменательная ночная встреча с Романом Гулем, во время которой поэт буквально кричал в лицо своему собеседнику: “Я не поеду в Москву, пока Россией правит Лейба Бронштейн!”.

Вот он, отрывок из манифеста друга Есенина, вологодского крестьянина и русского националиста Алексея Ганина, “Мир и свободный труд народам”, за который он был объявлен главой ордена “Русских фашистов” и расстрелян 30 марта 1925 г. :

“За всеми словами о коммунизме, о свободе, о равенстве и братстве народов таится смерть и разрушение”... “Достаточно вспомнить те события, от которых все еще не высохла кровь многострадального русского народа, когда по приказу этих сектантов-комиссаров оголтелые, вооруженные с ног до головы, воодушевляемые еврейскими выродками банды латышей, беспощадно терроризируя беззащитное сельское население, всех, кто здоров, угоняли на братоубийственную бойню, когда <...> за отказ от погромничества помещиц выжигались целые села, вырезались целые семьи”. “Вместо законности дикий произвол Чека и Ревтрибунала, вместо хозяйственно-культурного строительства – разгром культуры и всей хозяйственной жизни страны <...>. Все многомиллионное население коренной России (и Украины), равно и инородческое, за исключением евреев, брошено на произвол судьбы” <...> “Всюду голод, разруха, издевательство над жизнью народа, над его духовно-историческими святынями. Поистине над Россией творится какая-то черная месса для идолопоклонников”.

Несомненно, что статью Биккермана читал В. В. Шульгин. Вот отрывок из его книги, написанный, согласно моей гипотезе, по “биккермановской матрице”.

“Не нравится нам то, что вы фактически стали нашими владыками. Не нравится нам то, что, став нашими владыками, вы оказались господами далеко не милостивыми; если вспомнить, какими мы были относительно вас, когда власть была в наших руках <...> под вашей властью Россия стала страной безгласных рабов <...>. Вы жаловались, что во время правления “русской исторической власти” бывали еврейские погромы; детскими игрушками кажутся эти погромы перед всероссийским разгромом, который учинен за одиннадцать лет вашего властвования! И вы спрашиваете, что нам в вас не нравится!!!” (стр. 35).

Во время нелегального посещения СССР зимой 1925–1926 года, когда Шульгин перешел границу, чтобы найти своего сына, все передвижения Шульгина по стране, его поездки в Киев, Ленинград, Москву внимательно контролировались ОГПУ в рамках операции “Трест”. И несмотря на то, что, находясь в эмиграции с 1920-го по 1925 г., Шульгин написал три антисоветских книги – “Годы”, “Дни”, “1920”, ОГПУ не чинило ему никаких помех и спокойно выпустило его обратно на Запад, надеясь, что после посещения СССР борец с советской властью напишет книгу, лояльную по отношению к молодому государству. Так оно и случилось, “Три столицы” стала именно такой книгой. И, наверное, после этого Шульгин мог бы вернуться на Родину, но в 1928 году он вдруг издал в Париже новую книгу с названием “Что нам в них не нравится”, после чего путь на Родину ему, конечно, был отрезан. Именно за эту книгу (поскольку после нее никаких других он не издавал) Шульгин, 66-летний старик, после освобождения от немцев Югославии в 1945 году был арестован СМЕРШем в маленьком сербском городке Сремски Карловцы, в котором тихо жил с 1931 года, препровожден в Москву, где “за активную анти-

советскую деятельность” был приговорен судом к 25 годам тюрьмы... Этот фантастический срок он получил, конечно же, за то, что в своей последней книге нарушил всякие запреты и рассказал всю правду о еврейском палачестве в годы революции и Гражданской войны. Вспомним еще раз, что за прежние три антисоветские книги, в которых еврейский вопрос не поднимался, он не понес никакого наказания.

Третьим человеком (после монархиста Шульгина и русского поэта А. Ганина), который, видимо, был знаком с книгой “Россия и евреи” и читал статью Бикиермана, оказался не кто-нибудь, а молодой Гитлер, который в конце 1923 года попал за попытку государственного переворота в баварскую тюрьму, где начал писать “Майн кампф”, ставшую вскоре мировым бестселлером, который был переведен на все языки мира и отпечатан тиражом более 10 миллионов экземпляров. Общий гонорар Гитлера составил 15 млн марок. Книга была переведена и на русский язык, но для служебного пользования, что совершенно понятно, поскольку в главе о Советской России будущий германский вождь размышлял о том, что получается с народами, власть над которым захватывают инородцы, резал напропалую правду-матку, перемешивая ее с грубой пропагандистской ложью:

“Самым страшным примером в этом отношении является Россия, где евреи в своей фантастической дикости погубили 30 миллионов человек, безжалостно перерезав одних и подвергнув бесчеловечным мукам голода других, — и все это только для того, чтобы обеспечить диктатуру над великим народом за небольшой кучкой еврейских литераторов и биржевых бандитов”...

Молодой Адольф Алоизович в этой тираде почти слово в слово повторил мысли о местечковых палачах, сказанные либеральным сефардом Биккерманом, русским националистом и поэтом Алексеем Ганиным, монархистом и белогвардейцем Шульгиным. Правда, в двух местах он дал волю своему вульгарному площадному стилю, когда ради красного словца озвучил совершенно немыслимую цифру “жертв еврейского террора” — 30 млн человек, и когда заклеил “биржевых бандитов”, видимо, перепутав Россию с Германией. В России “биржевых бандитов” не было. Были “пламенные революционеры”.

* * *

В главе “Метисы” из энциклопедии “Холокост” подробно излагается расовая теория “нюрнбергских законов” о “чистоте расы”, “о смешанных браках”, о “защите германской крови и духа от всякого рода “метисов”, “бастардов” и “ублюдков”, то есть “полукровок”, “квартирантов” и прочих немецких граждан, “нечистых в расовом отношении”. Однако крайне любопытно, что автор статьи “Метисы” А. Эхманн (чуть-чуть не Эйхман) нигде и ни разу не засвидетельствовал известную историкам всего мира истину о том, что вся “арийская верхушка гитлеровского рейха, начиная от самого фюрера, была “метисами”, “бастардами” и “ублюдками”. Авторам “Энциклопедии” не хватило научной честности признать тот факт, что исполнителями дьявольского замысла об “окончательном решении еврейского вопроса” были близкие жертвам по крови, а жрецам и по убеждениям люди. Уровень исторического комментария энциклопедии часто не выдерживает никакой критики. Вот что, к примеру, пишет главный ее куратор, шеф-редактор, американский историк И. Лакёр:

*“Почему же евреи не оказали нацистам большого сопротивления? Потому что доля молодых мужчин и женщин, имевших военную подготовку, в еврейском населении была ничтожна. Впрочем, даже само число молодых евреев и евреек к тому времени сильно сократилось от голода и болезней, и немало их замерзло в суровые зимы, поскольку евреям не разрешалось иметь теплые жилища и одежду”. Но почему-то те же местечковые евреи эпохи революции и гражданской войны в России, по словам Д. Пасманика, одного из авторов книги “Россия и евреи”, **“далекие от воинственной жизни (...) не умевшие владеть оружием”** — когда надо было, моментально овладели этим искусством и **“оказались среди палачествующих головорезов”!** Такое солидное издание и такие наивные аргументы!*

“Толерантность” Лакёра доходит до того, что он не “помнит”, как евреи Кастнер и Эйхман отправили в 1944 году несколько сотен тысяч венгерских ев-

реев в польские лагеря смерти, как глава Вильнюсского юденрата Якоб Генс утопил в крови все попытки молодых евреев поднять в гетто вооруженное восстание против нацистов и их еврейских пособников.

Одно дело возмущаться, споря с антисемитами всех стран и народов, делая из Холокоста орудие политической борьбы и успешной бизнес-индустрии, другое — честно признаться, как Ханна Арендт, что в еврейской трагедии во многом виноваты твои соплеменники. Если бы это обстоятельство было известно историкам, политикам и широкому мировому общественному мнению в 1948 году, то едва ли бы Генеральная Ассамблея ООН проголосовала за создание государства Израиль.

А вот еще смехотворный “исторический комментарий” из энциклопедии “Холокост”: *“Среди вещей, принадлежавших убитой императрице Александре Федоровне, нашли экземпляр “Протоколов” Нилуса, что белогвардейцы истолковали, как свидетельство убийства императорской семьи евреями”*... Как будто у белогвардейцев не было других аргументов! Мне даже неловко объяснять автору статьи о “Протоколах сионских мудрецов” Михаэлю Хочемейстеру и шефу-редактору энциклопедии Уолтеру Лакёру, что расстрельной командой в Ипатьевском доме руководил местечковый палач Хаим Юровский, что рядом с ним были его поделельники Шая Голощекин и Лазарь Пинхусович Войков, что за их спинами стоял всемогущий московский сатрап Яков Свердлов, что в числе расстрельной команды были мадьяры с фамилиями Эдельштейн, Гринфельд и Фишер, что все свидетели, вошедшие по горячим следам в роковой подвал Ипатьевского дома, зафиксировали надпись на стене, торжественно сообщавшую миру на древнееврейском языке о “крушении царства”... А тут какой-то детский лепет о том, что императрица читала “Протоколы сионских мудрецов” и что это обстоятельство было единственным аргументом, которое подпитывало слухи о расстреле царской семьи евреями.

“Глобочник Одиль (1904—1945) — старший офицер СС. В 1941—1943 приво-дил в исполнение “окончательное решение” на территории Польши. Г. подписывал распоряжения, согласно которым евреев направляли на тяжелые принудительные работы, а их собственность конфисковали. По его приказу были уничтожены свыше 2 млн польских евреев. В мае 1945 в ожидании суда над военными преступниками Г. покончил жизнь самоубийством”.

Все в этой справке, опубликованной в энциклопедии на странице 194, правда. Не сказано лишь то, что Глобочник был чистокровным евреем.

Та же операция “толерантного умолчания” о том, “кто есть кто”, совершена в отношении к Йозефу Крамеру (“Офицер СС”, “адъютант Р. Гесса в Освенциме”, “Комендант лагеря Нацвеймер Штрутхоф”, “В последние месяцы войны комендант концлагеря Бреген Бельзен”, “Осужден британским судом и казнен”). С таким же биографическим “изъятием” составлена справка на ключевую фигуру в истории Холокоста оберштурмфюрера СС Курта Герштейна, который начал свою служебную карьеру борцом антинацистского сопротивления, распространял брошюры и листовки, призывавшие к борьбе с гитлеровским режимом. Но после двух арестов вдруг был принят в ряды СС, стал поставщиком ядовитого газа “Циклон Б” для концлагерей. Одновременно Герштейн стал распространителем среди иностранцев ужасных слухов о массовых уничтожениях евреев, о предстоящих депортациях и репрессиях, целью которых было “вытеснение” европейских евреев из Европы на Ближний Восток. А ключевой фигурой в истории Холокоста он стал потому, что именно устами этого хорошо подготовленного провокатора на Нюрнбергском процессе впервые была запущена в юридический обиход зловещая легенда о 6 миллионах. Ничего вышесказанного в энциклопедиях “Холокост” о Курте Герштейне нет, так же как и о его национальной принадлежности.

Кончил он свою жизнь, как и положено функционерам такого масштаба — “самоубийством” во французской тюрьме в 1945 году. Держать его дольше в живых было нецелесообразно и опасно.

* * *

Шефом-редактором энциклопедии Холокост является американский специалист по “русскому фашизму” Уолтер Лакёр. В свое время Вадим Валерианович Кожин беспощадно высмеял исторические фальсификации Лакёра о русских черносотенцах:

“Этот “русовед” объявляет, например: “Что касается “окончательного решения еврейского вопроса”, то Пуришкевич предлагал переселить евреев в районы Колымы и к Заполярному кругу, тогда как Марков считал, что все евреи “до последнего” должны быть перебиты в предстоящих погромах. Союз (русского народа. – Ст. К.) внес свою легенду в воплощение этой идеи в жизнь, организуя жестокие погромы”.

“Перед нами, – комментирует В. Кожин эти “откровения” Лакёра, – уникальная по своей развесистости клюква <...> когда и где внес свое “предложение” Пуришкевич, Лакёр не сообщает <...> профессиональный лгун У. Лакёр считает допустимым внушать своим читателям, что Н. Е. Марков требовал развернуть колоссальную кампанию погромов, в ходе которой должны быть уничтожены пять миллионов евреев! Да уж, как говорится, бумага все терпит...”, “его задача – пропаганда мифа, согласно которому деятели Союза русского народа – прямые наставники, воспитатели германских нацистов. И ради этого Лакёр готов прибегнуть к любым фальсификациям” <...> “Это, прямо скажем, наглешее сопоставление <...> стало излюбленным занятием многих профессиональных русофобов. Один из наиболее влиятельных из них – живущий в США Уолтер Лакёр” (“Наш современник”, №4, 1994 г.) И вот этот “профессиональный лгун”, выведший истоки Холокоста из деятельности Союза русского народа, сегодня курирует, редактирует и пропагандирует громадную 700-страничную энциклопедию о Холокосте. Конечно, под таким “шефством” она иной и быть не могла. Но кроме Лакёра к созданию энциклопедии причастны многие породистые и знаменитые ашкенази вместе с известными русскими шабегоями. В попечительский совет издания входят писатель Г. Я. Бакланов-Фридман, директор “библиотеки иностранной литературы” Е. Гениева, писатель Д. Гранин, бывший посол США в России А. Вершбоу, А. Гербер, Берл Лазар, Михаил Горбачев, Владимир Лукин, Сергей Филатов, А. Шаевич, Николай Сличенко (поскольку гитлеровцы цыган тоже уничтожали). Руководитель проекта Е. Гениева, она же состоит в редколлегии, где присутствует от “Мемориала” А. Рогинский, от фонда “Холокост” И. Альтман, от клерикальной диссидентуры “отец Георгий Чистяков”, от историков ельцинский архивист С. Мироненко и А. Чубарьян, известные своей прогеббельсовской антирусской позицией в Катынском вопросе.

Конечно, создание государства – величайшая цель и мечта всякого народа. И все народы, имеющие сегодня государства, принесли на протяжении своей истории во имя этой цели громадные жертвы, совершали великие подвиги и великие преступления “против человечности”. В двадцатом веке такого масштаба жертву попытались принести и евреи. Оправдана ли была эта жертва – пусть об этом судят они сами. Не чересчур ли великую цену заплатил еврейский народ за осуществление своей мечты, и нет ли угрозы того, что принесенная жертва (я говорю о шести миллионах) напрасна? А если оно так, то и отцы-основатели этого проекта могут быть подвержены посмертному суду. Но это – еврейское дело. И лучше всего другим народам в него не вмешиваться. А то, что ропот недовольства проектом набирает силу – тому есть серьезные доказательства. Проект “Израиль” – сегодня выглядит совсем не бесспорным, о чем не задумывались восторженные сионисты начала XX века. Сегодня же споры о целесообразности существования Израиля, как говорится, выходят на финишную прямую. Я приведу без комментариев несколько взаимоисключающих мнений по этому поводу.

Мнение первое:

“Сегодня весь мир делится на сионистов и антисионистов – врагов государства Израиль, мирового еврейства, врагов каждого из нас. Их много, и они весьма многолики и разношерстны: от раввинов “Нетурей Карты” до леволиберальных американских и европейских интеллектуалов, от “ненавидящих себя евреев” в Госдепартаменте США и аппарате президента Обамы до редактора газеты “Завтра” Александра Проханова и депутатов Госдумы России, от ливийского диктатора Муаммара Каддафи, который, оказывается, “любит евреев, но ненавидит сионистов”, до “патриота Израиля” южно-африканского еврея, бывшего судьи Ричарда Голдстоуна – автора доклада комиссии ООН о “зверствах ЦАХАЛа в Газе” и т. д., и т. п. Не говоря уже об Ахмадинежаде, ХАМАСе и Хезбалле...”

Я хочу закончить свое обращение, чуть перефразируя Юлиуса Фучика.
“Евреи! Будьте бдительны!”

Даниил Голубев (Газета “Форум”, Нью-Йорк, №288, 2010 г.)

Мнение второе:

“Первые идеологи сионизма обещали евреям, что если будет создано еврейское государство, то оно окажется единственным местом на земле, где евреи будут находиться в безопасности. И какое-то время казалось, что сионизм выполнил это обещание. Однако лето 2006 года положило конец иллюзии безопасности. <...> Многие израильтяне задаются вопросом: если сионизм не оправдал себя, то ради чего они строили страну на болотах, посылали своих детей воевать? Авраам Бург – бывший спикер Кнессета и сын одного из отцов-основателей государства Израиль. Его недавно вышедшая книга “Победить Гитлера” наделала немало шума. В ней он, в частности, пишет, что сионизм не освободил еврейский народ, а стал катастрофой, приведшей к созданию закрытого гетто, напоминающего концлагеря. Рецензия на книгу была опубликована в том числе и в арабской газете “Аш-Шарк аль-Аусат” под названием “Евреи против Израиля”. Однако это не совсем так. Бург отрицает Израиль такой, какой он есть сегодня, но не сам факт существования государства. Бург пишет о возвращении к “духовному сионизму”, возрождении еврейской сущности, которая теряется за понятием “израильтянин”. Он не одинок в своем мировоззрении, и подобные мысли высказывались евреями на протяжении всей истории сионизма. <...> Мыслители, подобные Бургу, ставят очень серьезные вопросы: а может ли быть в современном мире демократическое государство исключительно “еврейским”? Может ли быть демократическим государство, чье законодательство во многом базируется на религиозных постулатах? Не ведет ли сионизм к расизму, и почему критика этой идеологии приравнивается к антисемитизму? Может ли, в конце концов, государство все время жить с ощущением, что “весь мир против него”?

(“Форум”, №284, 2010 г.)

Мнение третье:

“ТОРА ОСТАНЕТСЯ НЕИЗМЕННОЙ

Раввин Е. Шварц

Сегодня сионисты празднуют 42-ю годовщину создания своего государства, а мы, евреи, 42-й раз скорбим.

Сионизм утверждает, что нас изгнали потому, что мы были слабы в военном и экономическом плане. Однако Тора говорит: “Мы были изгнаны со своей земли за грехи наши. Только Всемогущий без какого-либо вмешательства со стороны людей после полного искупления наших грехов вернет нас из изгнания. И настанет всеобщий мир”.

С момента возникновения сионизма все ведущие раввины решительно выступили против него, ибо сионизм – противник нашей Торы и веры. Например, один из величайших раввинов того времени Шулем Дов Бер Шнеерсон писал, что даже если сионисты чтити бы Тору, мы все равно должны выступить против идеи их государства, ибо мы дали клятву Всемогущему “не прибегать к усилиям людей в создании государства, не восставать против наций, не освобождаться от изгнания раньше времени” (Талмуд, стих IIIa). Мы должны противиться такому государству, ибо оно противоречит нашей реальной надежде и нашей вере, и лишь один Всемогущий вернет нас из изгнания, когда пришлет Мессию.

Каждый, кто так или иначе помогает сионизму, будет отвечать перед Всевышним, ибо играет на руку тем, кто вводит массы людей в заблуждение. Каждый, кто предан Б-гу и его Торе, не должен сотрудничать с сионистами. Напротив, необходимо бороться с сионизмом всеми возможными способами. Так писал 90 лет назад последний Любавический раввин.

Постепенно развращаемые деньгами и почестями, сионисты продались золотому тельцу. Те, кто хотел сохранить свою веру и продолжать борьбу с сионизмом, отошел от этих партий.

Сионистское государство эксплуатирует “главных раввинов” и использует “религиозные партии” для того, чтобы придать себе клерикальную внешность. Они изучают Тору с комментариями, приспособленными для того, чтобы придать содержащимся в ней словам националистическую окраску.

Настоящие евреи против того, чтобы изгонять арабов с их земли и из их домов.

Согласно Торе, им следует вернуть их землю.

Евреям запрещается господствовать, убивать, унижать другие народы или причинять им ущерб, а также иметь что-либо общее с сионистами, их политическими авантюрами и войнами.

Мир должен знать, что сионисты украли название “Израиль” и не имеют права выступать от имени еврейского народа.

(“Нью-Йорк таймс”, 30.04.1990 г.)

Неужели “израильский вектор” меняется, и побежденная было идея сефардов возрождается из пепла и берет реванш у отцов-основателей Израиля, у местечковых ашкенази с “косматыми сердцами”?

* * *

Идеологическое и даже нравственное обеспечение “революционного правосознания” (то есть террора) взяли на себя множество историков, превознесившие Французскую революцию, как предтечу октябрьской. Обо всех ее вождях, обо всех женщинах — “фуриях Французской революции” в 20–30-х годах были написаны популярные книги в серии “Жизнь замечательных людей”. Авторы — Блос, Захер, Ольшевский, Фридлянд и т. п. Интересно, что сию эстафету после “оттепели” приняли духовные дети авторов этой эпохи — шестидесятники, с упоением ринувшиеся в Политиздат с рукописями о пламенных революционерах всех времен и народов — о Робеспьере (А. Гладилин), о Пестеле (Б. Окуджава), о Красине (В. Аксенов).

А поэтов и прозаиков, воспевших террор, в молодой советской литературе 20–30-х годов было хоть пруд пруди. “Героями ихнего времени” в полном смысле стали чекисты. Иные местечковые таланты не просто восхищались чекистами и славили их, но почитали за честь верой и правдой служить в ведомстве Дзержинского и Ягоды. Из автобиографического рассказа Исаака Бабеля “Дорога”, в котором писатель вспоминает о том, как поступал на службу к Моисею Урицкому:

“Наутро Калугин повел меня в ЧК на Гороховую, 2. Он поговорил с Урицким. Я стоял за драпировкой, падающей на пол суконными волнами. До меня долетали обрывки слов.

— Парень свой, — говорил Калугин, — отец лавочник, торгует, да он отбилсЯ от них... Языки знает.

Комиссар внутренних дел коммуны Северной области вышел из кабинета раскачивающейся своей походкой. За стеклами пенсне вываливались обоженные бессонницей, разрыхленные, запухшие веки...

Не прошло и дня, как все у меня было — одежда, еда, работа и товарищи, верные в дружбе и смерти, товарищи, каких нет нигде в мире, кроме, как в нашей стране <...> так начиналась тринадцать лет назад превосходная моя жизнь, полная мысли и веселья...” (Как тут не вспомнить Мандельштама — **“я лишился и чаши на пире отцов и ВЕСЕЛЬЯ и чести своей”!**)

Рассказ был написан Бабелем в начале 30-х годов, а через десять лет **“верные в смерти товарищи”** поставили чекиста Бабеля (бывших чекистов не бывает) к стенке. Он, к сожалению, так и не успел написать роман “Чека”, о котором в свое время поделился замыслом с Фурмановым. Александр Исбах так описывает этот эпизод: *“В тот день Бабель говорил Фурманову о планах своего романа о “Чека”. Я не помню точно его слов, но Митяй, как всегда, записал их в своем дневнике. — Не знаю, — говорил Бабель, — справлюсь ли, очень уж однобоко думаю о ЧК. И это оттого, что чекисты, которых я знаю, ну... просто святые люди... И я опасаюсь, не получилось бы приторно. А с другой стороны, не знаю вовсе настроений тех, кто населяет камеры, это меня как-то даже и не интересует...”*

Вообще-то круг его интересов был широк и даже изыскан. Однажды во время посещения Зимнего дворца он позволил себе завалиться в альков императрицы, не сняв сапоги. Демонстративно. Мало того что зверски убили императора и жену, и детей, и слуг, но надо было еще с мстительным сладострастием покошунствовать! Ну добро бы такое совершил какой-нибудь пья-

ный матрос, несовершеннолетний умом и душою! Но — интеллигент, писатель, “языки знает”... Поистине “косматое сердце”.

*Когда вознесся красный флаг
на небом северной столицы,
писатель Бабель Исаак
залез в альков императрицы,
прилег, не снявши сапоги,
чтоб возвратить в одно мгновенье
всем соплеменникам долги
за слабость и уничижение,
но ровно через двадцать лет,
из революционной чаши
допив до дна, обрел ночлег
на нарах. Около парашаи...
Урок не впрок. Один актер,
недавно Сталина играя,
в его постель залез, как вор...
но это — серия вторая.*

Это мои стихи 1991 года...

Интересовался Бабель и судьбами крестьянства. Весной 1930 года он принимал участие в кампании по коллективизации Бориспольского района Киевской области (это его собственная формулировка). Когда же он вернулся в апреле 1930 года в Москву, то сказал своему другу Багрицкому: **“Поверите ли, Эдуард Георгиевич, я теперь научился спокойно смотреть на то, как расстреливают людей”** (Липкин Семен. “Квадрига”. М., 1997 г., стр. 59).

Через год Бабель опять отправился в те же места. Понравилось, видно, ему смотреть на картины расстрелов. (Воспоминания о Бабеле. М., 1989, стр. 327.)

Можно предполагать, что с момента ареста в 1939-м году и до расстрела в 1940-м писатель узнал *“настроения тех, кто населяет камеры”*. Но это знание уже не помогло ему в работе над романом “Чека”. Другой его ровесник, менее знаменитый, успел написать пьесу “Чекисты” — это был М. Козаков, отец знаменитого актера Михаила Козакова, блистательно сыгравшего в кино роль Дзержинского. Знание чекистов у него было семейной традицией. Старший Козаков не случайно же был удостоен чести попасть в бригаду писателей, поехавших по предложению Генриха Ягоды изучать опыт перевоспитания “социально чуждых элементов” на Беломорканал, в гости к “воспитателям” и высшим чинам ГУЛага Берману, Раппопорту, Когану, Френкелю и Фирину. Бригада на 80% состояла из местечковых талантов — Михаил Козаков, Виктор Шкловский, Семен Гехт, Вера Инбер, Леопольд Авербах, Анна Берзинь, Лев Славин, Яков Рыкачев, Бруно Ясенский, Лев Никулин, Евгений Габрилович, Александр Безыменский и другие вдохновенные певцы ЧК и ГУЛага. Книга, которую они сотворили, была эпохальной и опасной: она несла на себе проклятие “Декрета об антисемитизме”. Через 30 лет после ее создания Александр Солженицын обнародовал имена воспетых бригадой чекистов, и его за этот скромный подвиг идейные внуки Урицкого и Ягоды объявили антисемитом.

С особым благоговением местечковые поэты славили чекистов женского пола. Джек Алтаузен сделал это с непревзойденной искренностью в стихотворенье, названном простенько и со вкусом: “Чекистка”.

*Притворяться мне не пристало.
Как я рад, что увидел ту,
У которой должны кристаллы
Занимать ее чистоту.*

Тут надо пояснить, что под “кристаллами” он имел в виду драгоценные камни, для которых эталоном является “чистота чекистки”. Автор горюет, что от тяжелейшей работы у его бриллиантовой подружки поседели волосы:

*Почему пробивается проседь
У чекисток моей страны?*

И дает ей клятву мужской и гражданской верности:

*Потому что солгать ей — значит
Все равно, что солгать стране.*

Когда Алтаузен сочинял эту оду, он одновременно со своими друзьями (М. Голодным, С. Кирсановым, И. Уткиным, А. Безыменским) подписал сочиненное ими же письмо в “Правду” о том, что хулиган и дебошир поэт Павел Васильев “уже давно прошел расстояние, отделяющее хулиганство от фашизма”, что “он избил поэта Алтаузена, сопровождая дебош гнусными антисемитскими и антисоветскими выкриками” и что “необходимо принять решительные меры”. Письмо было опубликовано в “Правде” 24 мая 1935 года, и вскоре “решительные меры” в отношении Павла Васильева чекистами и “чекистками” были приняты.

Ближайший друг Павла Васильева Ярослав Смеляков, конечно же, зная стихи Алтаузена о чекистке, написал впоследствии стихотворение, являющееся историческим ответом алтаузенскому панегирику.

Жидовка

*Прокламация и забастовка.
Пересылки огромной страны.
В девятнадцатом стала жидовка
Комиссаркой гражданской войны.*

*Ни стирать, ни рожать не умела,
Никакая ни мать, ни жена —
Лишь одной революции дело
Понимала и знала она...*

*Брызжет кляксы чекистская ручка.
Светит месяц в морозном окне,
И молчит огнестрельная штучка
На оттянутом сбоку ремне.*

*Неопрятна, как истинный гений,
И бледна, как пророк взаперти.
Никому никаких снисхождений
Никогда у нее не найти.*

*Все мы стоим того, что мы стоим.
Будет сделан по-скорому суд,
И тебя самое под конвоем
По советской земле повезут.*

Ярослав Смеляков родился и вырос в глухом белорусском местечке и хорошо знал, какой “чистоты” были эти “бриллианты” с именами Розалия Залкинд-Землячка, Лариса Рейснер, Софья Гертнер, работавшая следователем ленинградского управления ОГПУ-НКВД, о которой “Аргументы и факты” в 1993 году (№19) сообщили: “Гертнер изобрела свой метод пытки: привязывала допрашиваемого за руки и за ноги к стулу и со всего размаха била туфелькой по “мужскому достоинству”. Среди чекистов и заключенных ее звали “Сонька золотая ножка”. В книге известного историка эмигранта С. Мельгунова “Красный террор”, изданной на Западе в 1923 году, а у нас впервые в 1990-м, есть упоминания о многих “фуриях революции”: о Евгении Бош, свирепствовавшей во время гражданской войны в Пензенской области, о знаменитой своими жестокостями следователе Киевского ЧК по фамилии Ремовер, о бывшей фельшерице Тверской губернии Ревекке Пластининой-Майзель, ставшей

женой архангельского чекиста Кедрова и одновременно сотрудницей архангельского ЧК. Все вроде бы правильно в этой книге, но поскольку послесловие к ней писал известный правозащитник А. Даниэль, становится понятным, почему она была издана в начале перестройки: у Мельгунова, а тем более у Даниэля нет ни слова о национальности этих чекистских ведьм. Более того, причины жестокости Октябрьской революции, гражданской войны и “красного террора” и осторожный историк Мельгунов, и комментатор Даниэль объясняют, цитируя неумные и смехотворные высказывания Максима Горького из его работы “О русском крестьянстве”: “Когда в “зверствах” обвиняют вождей революции – группу наиболее активной интеллигенции, я рассматриваю это обвинение, как ложь и клевету” <...> “Жестокость форм революции я объясняю исключительно жестокостью русского народа”. А между тем в “Красном терроре” приводятся слова Зиновьева (“меч, вложенный в руки ЧК, в надежных руках. Буквы ОГПУ не менее страшны для врагов, чем буквы В. Ч. К. Это самые популярные буквы в международном масштабе”) или “стихотворенье” чекиста и “поэта” Эйдука, опубликованное в “Тифлисской книге” под названием “Улыбка Чекиста”:

*Нет большей радости, нет лучших музык,
как хруст ломаемых жизней и костей.
Вот отчего, когда томятся наши взоры
и начинает буйно страсть в груди вскипать,
черкнуть мне хочется на вашем приговоре
одно бестрепетное: “К стенке! Расстрелять”.*

Но и Зиновьев, и Эйдук для Мельгунова и Даниэля всего лишь “коммунисты”, не имеющие национальности. Правда, у чекистки из Киева Ремовер национальность есть – она “венгерка”, видимо такая же, как “венгр” Бела Кун и “Матиас Ракоши”. Но жесток именно русский народ, как это утверждает великий пролетарский писатель, в молодости крепко избитый деревенскими мужиками, которым не понравились речи молодого Пешкова, призывавшего их к революции. Ведь и другие классики наши тоже не стеснялись в изображении русской жестокости. Вспомним хотя бы персонажи из “Тараса Бульбы”, из “Капитанской дочки”, из “Тихого Дона”. Но в то же время рядом с этими жестокими героями жили и князь Мышкин, и Платон Каратаев, и Максим Максимович – тоже русские люди. Да что говорить! Нежестоких революций в мире не было и не будет. Кроме одной, бескровной, ограничившейся голгофской жертвой. Горький не прав и потому что, читая Пушкина, Гоголя и Есенина, понимаешь: русская жестокость – это стихия, мгновенно вспыхивающая от несправедливости и легко гаснущая. Народ живет чувством, всплеском отчаяния, отщепености, негодования. Они – эти всплески – естественны, а жестокость нашей революции XX века была неестественной, теоретически обоснованной, юридически обставленной, коммерчески организованной, тоталитарно выстроенной. Словами “большевизм” или “классовая борьба” здесь ничего не поправишь, они лишь кое-как маскируют жестоковыйную сущность силы, хлынувшую во власть в первые революционные годы.

А русская революция, конечно же, была неизбежной. Слишком долго правящее сословие России злоупотребляло крепостным правом, которое сыграло свою решающую роль в становлении Российской империи в XVI–XVIII веках, но после войны 1812 года потеряло свою историческую плодотворность и стало почвой для семян грядущих бедствий. Освобождение крестьян без земли в крестьянской стране еще глубже вбило клин в трещину русской жизни. Но если бы не местечковые дрожжи, вспучившие революционное тесто, наша смута была бы гораздо менее жестокой и кровавой, как и коллективизация. А “контрреволюции 1937 года” тогда вообще могло бы не быть.

Особую роль, более сложную и противоречивую, в идеализации революционного терроризма сыграло творчество Бориса Пастернака. На короткое время весной 1917 года он стал, как Леонид Канегиссер, поклонником Февральской революции красных бантов и в косноязычных, но страстных стихах проклял Ленина. Цитировать эти вирши бессмысленно, потому что они состоят из ленинских призывов “жги!”, “режь!”, “грабь!”. Их якобы выкрикивает Ленин, едущий в Россию в plombированном вагоне при помощи коварных немцев и “стрелочника-ганноверца”, передвинувшего железнодорожные

стрелки в нужном направлении. Пафос стихотворения был естественен – Пастернак, как и Канегиссер, происходил из добропорядочной известной буржуазной семьи, и ему было не по пути с местечковыми волчатами.

Однако через несколько лет Борис Леонидович эволюционировал и написал поэму “Девятьсот пятый год”, в которой воспел знаменитую террористку Марию Спиридонову, участвовавшую в 1905 году в убийстве московского шефа полиции генерала Тепкова:

*Жанна д’Арк из сибирских колодниц,
Каторжанка в вождях, ты из тех,
Кто бросались в житейский колодец,
Не успев соразмерить разбег.*

*Ты из сумерек, социалистка,
Секла свет, как из искры огнив,
Ты рыдала, лицом василиска
Озарив нас и оледенив...*

Но в 1922 году большевики организовали судебный процесс против левых эсеров, и Мария Спиридонова, возглавлявшая этот спецназ революции, вновь, словно в царское время, пошла по тюрьмам и ссылкам вплоть до войны 1941 года. Последний срок она отбывала в орловской тюрьме, где и была расстреляна перед отступлением наших войск из Орла.

Пастернак же, отметив поэмой “Девятьсот пятый год” двадцатилетие первой русской революции, стал готовиться к юбилею революции Октябрьской и сочинил в 1927 году поэму “Высокая болезнь” в честь Владимира Ильича Ленина, по воле которого в 1922 году все руководство левых эсеров исчезло с политической арены. В “Высокой болезни” Ленин изображен уже отнюдь не “немецким шпионом”, террористом и площадным демагогом, а “гением”, управляющим ходом мировой истории: “он был, как выпад на рапире”, “он управлял теченьем мысли и только потому страной”... Победителей, как говорится, не судят, а славят... Но следующим победителем стал Иосиф Сталин, и Борис Леонидович циклом блистательных стихотворений, открывающих новгородный номер газеты “Известия” за 1936 год, перевернул первую страницу Советской Сталинианы.

*А в эти дни на расстоянье
За древней каменной стеной
Живет не человек — деянье,
Поступок ростом с шар земной.*

Да, до культа чекистов Пастернак не опускался. Но очень хотел быть своим для власти. Опомнился от соблазнов революционной романтики, от народоволок, знаменитых террористок и вождей Борис Леонидович только на закате жизни, видимо, вспомнил свое “сефардское”, буржуазно-интеллигентское происхождение, то, что он все-таки крещеный еврей, и, написав покаянный роман “Доктор Живаго”, в сущности, перечеркнул поэтические заблуждения не только своей молодости, но и почти всей жизни.

Когда-то Борис Пастернак, обращаясь к Владимиру Маяковскому, писал:

*Я знаю: Ваш дар неподделен,
Но как Вас могло занести
Под своды таких богаделен
На искреннем Вашем пути?*

Борис Леонидович недоумевал напрасно. Плебей Маяковский вышел из семьи русских разночинцев, и путь его в революцию был естественен. Но как “могло занести” благополучного еврейского вундеркинда Пастернака с его знатной родней в Англии, с его марбургским образованием – в старейшем университете Европы, с его окружением из художников и композиторов в мир эсерки Спиридоновой, большевика Ленина, диктатора Сталина?

Когда читаешь поэтическую летопись 20–30-х годов, вышедшую из-под пера наших ашкеназов, то ужасаешься иррациональной злобе, исходящей от

их восклицаний. Иные стихотворения из книги тех лет могут быть с успехом использованы как материал для психиатров:

*Гора наш сев,
Жги! Рви! Язви!
Ты им страшной землетрясений,
ходи в сердцах,
бунтуй в крови.
Мути им ум,
ломай колени.*

Это – из поэтических откровений Михаила Голодного (Эпштейна),

*Довольно!
Нам решать не ново.
Уже подписан приговор.*

Это его же строки, как и стихи, требующие расправы над поэтом Павлом Васильевым:

*Ох, поздно ж, пташечка, ты запела,
Что мы решили — не перерешить,
Смотри, как бы кошка тебя не съела,
Смотри, как бы нам тебя не придушить.*

У Михаила Светлова-Шейкмана, именем которого и сейчас названы сотни детских и юношеских библиотек России, культ ЧК-ОГПУ даже по тем временам казался недосыгаемым для других поэтов:

*Яжимаю твою ладонь —
Она широка и крепка.
Я слышу, в ней шевелится огонь
Бессонных ночей Чека.*

У поэта как будто не было другой жизни, кроме как в чекистских застольях и на чекистских дачах, где приятно **“закусывать мирным куском пирога”**.

*Пей, товарищ Орлов,
Председатель ЧК...
.....
Эта ночь беспощадна,
Как подпись твоя.*

Багрицкий, как и Светлов, обожал пировать с чекистами, иногда в доме какого-нибудь несчастного “пущенного в расход”:

*Чекисты, механики, рыбоводы <...>
Настала пора — и мы снова вместе!
Опять горизонт в боевом дыму!
Смотри же сюда, человек предместий,
— Мы здесь! Мы пируем в твоём дому!*

Рифмованные и прозаические опусы, приветствующие все судебные процессы от Шахтинского дела до 1937–1938 годов, сочиняли апологеты режима – Павел Антокольский, Семен Кирсанов, Александр Безыменский, Э. Дельман – отец Натана Эйдельмана, Перец Маркиш, – все возмужавшие во время революции, “красного террора” и гражданской войны...

Но дуэль двух ветвей еврейства все-таки продолжалась и в 30-е годы. Аделина Адалис, как бы вспомнив обвинение со стороны сефарда Д. Пасманника местечковому спецназу, прозвучавшее в 1923 году со страниц книги “Россия и евреи” (“Все охамившиеся евреи, заполнившие ряды коммунист-

тов, — все эти фармацевты, приказчики, коммивояжеры, недоучившиеся студенты, и вообще полуинтеллигенты — действительно причиняют много зла России и евреюству“.), с самодовольным торжеством победителя ответил ему после коллективизации, в 1934 году, когда положение советских местечковых функционеров вроде бы окончательно упрочилось:

“Мы чувствовали себя сильными, ловкими, красивыми. Был ли это так называемый мелкобуржуазный индивидуализм, актерская жизнь воображения, “интеллектуальное пиршество” фармацевтов и маклеров? Нет, не был. Наши мечты сбылись. Мы действительно стали “управителями”, “победителями”, “владельцами”, шестой части земли” (А. Адалис, 1934 г., из книги “Воспоминания о Багрицком”). Однако в это же время человек общерусской культуры (не хочется говорить про него “сефард”), всю жизни бежавший от “иудейского хаоса”, от “мщения миру”, — Осип Мандельштам ужасался чекистско-палаческому пафосу стихов Багрицкого с **“нежными костями”**, которые **“сосет грязь”**, с кровью, которая **“вьется”**, как **“подпись на приговоре”**, **“струей из простреленной головы”**, и, отвергая этот “поэтический садизм”, с достоинством и брезгливостью возвращал Багрицкому-Дзюбину его растленные эпитеты и метафоры:

*Мне на плечи бросается век-волкодав,
но не волк я по крови своей.
Запихай меня лучше, как шапку в рукав
жаркой шубы сибирских степей,
чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязи,
ни кровавых костей в колесе,
чтоб сияли всю ночь голубые песцы
мне в своей первородной красе...*

(подчеркнуто мной. — Ст. К.)

Но что мог сделать одинокий старомодный гуманист Осип Эмильевич, если за Багрицким бежала целая стая местечковых “волков по крови своей”, уже знаменитых, называвших себя “пролетарскими”, “большевистскими” — Александр Безыменский, Иосиф Уткин, Джек Алтаузен, Лев Кассиль, Лев Копелев? Последний начинал свою общественную карьеру, как молодой троцкист, расклеивал листовки, распространял брошюры. По молодости простили. Во время коллективизации “раскулачивал” деревню. Получил разрешение носить личное оружие*. Поступил в ИФЛИ. Во время войны работал переводчиком и пропагандистом. Вступив в составе наших войск в Германию, писал о немцах: **“расстрелять придется, может быть, миллиона полтора”** (из книги “Хранить вечно”). Обнаружив в одном из немецких поселков тяжело раненую немку, этот гуманист, поклонник Шиллера и Гете, приказал своему подчиненному: **“Сидорыч, пристрели! — Это я сказал от бессилья”** (из книги “Хранить вечно”). А за Копелевым подрастала волна литераторов второго призыва, прославлявших террор 1905 года, “красный террор” 1918 года, террор Гражданской войны. Вот только причину и смысл “большого террора” они не поняли.

*Их предки в эпохе былой,
из дальнего края нагрянув,
со связкой гранат под полой
встречали кареты тиранов.
(А. Межиров)*

“Дальний край”, упомянутой в этой строфе, — местечко Межиров из Галиции, давшее псевдоним отцу поэта, фамилия которого осталась неизвестна истории.

---

* О таких, как Копелев, “раскулачивателях” Соня Марголина в книге “Конец лжи: Россия и еврейство в XX веке” писала:

“В конце 20-х годов впервые немалая часть еврейских коммунистов выступила в сельской местности командирами и господами над жизнью и смертью. Только в коллективизации окончательно отчеканился образ еврея, как ненавистного врага крестьян — даже там, где до тех пор ни одного еврея не видали”.

Ровесник Межирова, известный советский переводчик Лев Гинзбург в книге “Разбилось лишь сердце мое” так вспоминал о своем местечковом детстве:

“В школьные годы у меня были тайные от всех игры. Сначала я сам с собой или сам для себя играл в суд, печатал на пишущей машинке грозные определения, приговоры, обвинительные заключения с беспощадной до замиранья сердца подписью: “Верховный прокурор СССР, — дальше шел росчерк — какая-нибудь выдуманная фамилия”. Ну что это как не этническая шизофрения? Ею был болен и Арон Копштейн, издавший в 1939 году книгу “Радостный берег” — о Дальнем Востоке, архипелаге лагерей, в одном из которых именно тогда умирал Осип Мандельштам. Копштейн заклеил троцкистов-бухаринцев в косноязычных, но выпретенных стихах:

*Их вырвали, как вырывают с поля
Побеги чуждых, злобных сорняков,
О, Сталина незыблемая воля,
Присяга партии большевиков.*

Постоянные поиски врагов в 30-е годы, как болезнь, унаследованная от отцов, входила в плоть и кровь нового поколения литераторов, едва возмужавшего к 1937 году. В 1937 году сын Э. Багрицкого (первый муж Елены Боннер) и тоже поэт Всеволод писал: “Вспоминаю с гордостью теперь я про рассказы своего отца”. Но сын унаследовал от него не только манию преследования, жившую в генах отца-одессита: “Оглянешься, а вокруг враги, руку протянешь — и нет друзей. Но если он (век. — **Ст. К.**) скажет: “Солги!” — солги. Но если он скажет: “Убей!” — убей”, но, подражая отцу и буквально повторяя его, шестнадцатилетний юноша пишет:

*Какое время! Какие дни!
Нас громят или мы громим (! — **Ст. К.**),
Я Вас спрошу,
И ответите Вы:
“Мы побеждаем,
Мы правы”.
Но где ни взглянешь* — враги, враги...
Куда ни пойдешь — враги.
(1938 г.)*

А творец “Бригантины” — знаменитого гимна авантюристов-романтиков Павел Коган? Он ведь тоже самозабвенно играл не в “казаки-разбойники”, а в чекистов времен Ягоды и Агранова.

*Мы сами, не распутавшись в началах,
Вершили скоротечные суды.
(1937 г.)*

*Во имя планеты (! — **Ст. К.**), которую мы
У мора отбили,
Отбили у крови,
Во имя войны сорок пятого года,
Во имя чекистской породы.
(1938 г.)*

*В лице молочниц и мамаш
Мы били контру на дому —
Двенадцатилетние чекисты,
Принявши целый мир в родню.
(конец 30-х годов)*

Интересны здесь некоторые проговорки. Вроде бы Павел Коган, как его старшие учителя, опирается в своих надеждах на будущее, на чекистов, на

* Так у автора, который, видимо, унаследовал и “одессизмы” отца.

касту, замкнутую в советских границах, но одновременно пытается говорить о какой-то совершенно утопической местечковой всемирности: “Во имя планеты”, а не только России, “принявши целый мир в родню”... И конечно, апогеем этого “глобализма” были знаменитые строки:

*Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла родина моя.*

Но эта родина – уже не Россия, а просто “шестая часть земли”, на которой, по словам Аделины Адалис, в 30-е годы жили “управители”, “победители”, “владельцы”...

Поразительно то, что, когда война уже стучалась в двери нашего Отечества, потомки местечковых обывателей продолжали жить в плену болезненных “химер”, если говорить словами Льва Гумилева...

Единственным и решающим оправданием этого “потерянного поколения”, жившего во власти химер, было то, что многие из них, мечтая умереть в боях за мировую революцию в районе Ганга, погибли кто в Карелии, кто в донской степи, кто в брянских лесах на священной Отечественной войне... Но они так и не поняли, что главная мировая революция совершилась 2000 лет тому назад на их “исторической родине” и что напрасно их отцы и они сами искали ее в самых разных обличьях – в нацистском, в советском, в сионистском.

Но закономерно то, что в 60-е годы, когда последние зарницы багрицко-светловской романтики с культом “бригантины” и “гренады” вспыхнули было на литературном небе, замечательный русский поэт Алексей Прасолов поставил последнюю точку в этом историческом споре. Будучи подростком, он однажды с ужасом наблюдал, как на воронежской станции Россошь разгружается наш эшелон с ранеными.

*Спешат санитары с разгрузкой,
по белому с красным кресты,
носилки пугающе узки,
а простыни смертно чисты.*

*Кладут и кладут их рядами,
сквозных от бескровья людей...
Прими этот облик страданья
душой присмирелой своей.*

*Забудь про Светлова с Багрицким,
постигнув значение креста (подчеркнуто мной. – Ст. К.).
Романтику боя и риска
в себе задуши навсегда...*

*Те дни, как заветы, в нас живы.
И строгой не тронут души
ни правды крикливой надрывы,
ни пыл барабанящей лжи.*

Но справедливости ради должно сказать, что идейное сопротивление жестокой метафоре Павла Когана – “Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал”, оказал его ровесник Наум Коржавин-Мандель, ответивший Когану: “Я с детства полюбил овал за то, что он такой законченный”. А еще глубже кровавую, грязную драму революционного еврейства понимал Давид Самойлов (Кауфман), выходец из семьи московских врачей, чья родословная тянулась от западноевропейского еврея-маркитанта по имени Фердинанд, отправившегося с наполеоновским войском в Россию и оставшегося там после поражения французского императора. Он был одним немногих поэтов военного поколения, понимавших, что в первые годы революции во власть “хлынули многочисленные жители украинско-белорусского местечка... с чуть усвоенными идеями. С путаницей в мозгах, с национальной привычкой

к догматизму...” “Тут были еврейские интеллигенты или тот материал, из которого выработывались многочисленные отряды красных комиссаров, партийных функционеров, ожесточенных, одуренных властью. И меньше всего было жаль культуры, к которой они не принадлежали”. Мысли эти Самойлов-Кауфман записывал в дневнике. Опубликованы они были лишь после его смерти. При жизни он, естественно, не рисковал обнародовать их. Скорее всего, “страха ради иудейска”. А бояться, понимая все это, было чего. Давид Самойлович был человеком образованным, прекрасно знал и русскую классическую и советскую поэзию, и, конечно же, судьбу Осипа Эмильевича, которому его соплеменники “с косматыми сердцами” не могли простить того, что он в отличие от них “не волк по крови своей” и что он по своей доброй воле лишился и “чаши на пире отцов и веселья и чести своей”, “чаши”, наполненной слезами и кровью, на “революционном пиру” отцов-победителей, где он видел во время “красного террора” “гекатомбы трупов”.

Так кто же, в конце концов, затравил истинного поэта? Кто ввергал его в нищету, в отчаяние, в мысли о самоубийстве? Гонителями Осипа Мандельштама были, и от этого никуда не деться, в основном критики и функционеры еврейского происхождения. 10 августа 1933 года критик С. Розенталь на страницах газеты “Правда” заявил, что “от образов Мандельштама пахнет великодержавным шовинизмом”; за 9 лет до этого уже в 1924 году литературный деятель Г. Лелевич (Калмансон), обличая поэта, писал: “насквозь пропитана кровь Мандельштама известью старого мира” (из воспоминаний вдовы поэта Н. Я. Мандельштам).

Как пишет В. Кожинов в книге “Правда сталинских репрессий”, глава “Драма самоуничтожения”: “Вероятным доносчиком, передавшим в ОГПУ текст мандельштамовской эпиграммы на Сталина, был еврей Л. Длигач, а “подсадной уткой”, помогавшей аресту поэта, Надежда Яковлевна называла Давида Бродского... Приказ об аресте отдал в мае 1934 г. зампред ОГПУ Я. Агранов (Сорензон)...” А сюжетов, когда одни одни еврейские функционеры советской эпохи уничтожали других – не счесть.

Сын восточного еврея Якова Свердлова Андрей, в должности следователя НКВД, грубо допрашивает в 1938 году жену Н. Бухарина Анну Ларину (Лурье): “Я была возмущена до крайности, был даже порыв дать ему пощечину, но я подавила в себе это искушение. (Хотела – потому что он был свой, и не смогла по той же причине”).

Та же коллизия возникла при допросе Ханны Ганецкой – дочери известного европейского революционера Я. С. Ганецкого-Фюрстенберга, бывшего “посредником” между Лениным и Гельфандом-Парвусом: “Когда Ханна Ганецкая увидела, что в комнату для допроса вошел Андрей Свердлов, она бросилась к нему с возгласом: “Адик! – “Какой я тебе Адик, сволочь!” – закричал на нее Свердлов”...

* * *

В последний раз бацилла чекистского мышления неожиданно воскресла в творчестве поэта следующего за военным поколения – шестидесятника Давида Маркиша, сына Переца Маркиша, прославившего в свое время террор 1937 года и сложившего свою курчавую местечковую голову в эпоху борьбы с “космополитизмом”. Его сын, переселившийся в 80-е годы прошлого века в Израиль, сочинил на “исторической Родине” своеобразный манифест:

*Я говорю о нас, сынах Синая,
О нас, чей взгляд иным теплом согрет.
Пусть русский люд ведет тропа иная,
До их славянских дел нам дела нет.*

*Мы ели хлеб их, но платили кровью,
Счета сохранны, но не сведены.
Мы отомстим цветами в изголовье
Их северной страны.*

.....

.....
*Мы дали Маркса вам себе в ущерб,
Мы дали Вам Христа себе на горе.*

*Когда сотрется лыковая проба,
Когда загложнет красных криков гул,
Мы станем у березового гроба
В почетный Караул.*

Когда я прочитал это стихотворенье, то не понял: они за наш хлеб “пла- тили” чьей “кровью”?.. Может быть, Маркиш имел в виду “красный террор” 1918 года, когда за наш хлеб было заплачено “нашей кровью”? Или он вспо- минает нашу кровь, пролитую на жертвенник продразверстки и коллективиза- ции? Но это ведь та же “славянская” кровь, до которой ему “нет дела”. “Мы дали вам Христа”... Ну это уже наглость. Вы отправили его на Голгофу, что- бы он никому не достался.

Ну что остается сказать в заключение “Сыну Синая”? А вдруг он ошибает- ся, как ошиблись его старшие братья, когда жаждали умереть за мировую ре- волюцию, а она обернулась Отечественной войной? А вдруг не ему, а нам придется “класть цветы” в изголовье не “северной”, а южной ближневосточ- ной страны? Что тогда? Тогда Маркишу придется вспомнить, что он не только “сын Синая”, но и побочный сын России, преобразиться из местечкового аш- кеназа-чекиста в благонамеренного сефарда и вернуться на свою не мифиче- скую, а в полном смысле историческую родину, в земле которой лежит прах его предков, и где мы с ним обнимемся, как “дети разных народов”. Очень разных... .

От страха за судьбу проекта государства Израиль у еврейских историков сегодня просто “крыша поехала”.

Недавно я прочитал в газете “Форум” (№ 282, 2010 год) исторические изыскания некоего Семена Файна из Нью-Йорка, в которых историк предьяв- ляет миру счет за геноцид во время иудейской войны I века нашей эры, **“ис- требивший два миллиона евреев”**, во время которого еще **“один миллион”** был изгнан, еврейское государство “уничтожено”. А все это является доказа- тельством того, **“что Иудея и Самария (нынешний Западный берег реки Иор- дан. — Ст. К.) являются законной родиной евреев и сегодня”**.

Пафос этой статьи бесподобен с клинической точки зрения: **“За Холокост 20 века нацисты понесли наказание. Почему же Холокост 1 века остае- тся не наказанным?”** Поскольку как считает Семен Файн, Холокост I века н. э. организовали антисемиты-греки при помощи антисемитов-римлян, то, види- мо, греки и должны расплачиваться за это преступление, подобно гитлеров- ским нацистам. Одна беда: с Греции сегодня с ее долгами объединенной Ев- ропе взять нечего, и наш историк согласен на территориальные компенсации: **“Два миллиона убитых древних евреев не вернешь, а вот кровные ев- рейские территории человечество может и должно возратить, наконец, евреям — истинным их владельцам”**.

Если бы грозная фантазия Файна закончилась на этом! Нет, он обвиняет подлых греков в том, что они во времена Александра Македонского, понимая, что их **“древнегреческая мифологическая религия”** устарела, решили из- бавиться от нее, а взамен **“по достоинству оценили иудейскую религию, ее высокие моральные и нравственные качества <...> Греки поняли, что лишь она своей гениальностью в состоянии спасти греческую нацию. И они решили любыми средствами приобрести Еврейское Священное Писание”**.

Короче говоря, для этого и уничтожили два миллиона евреев (и один мил- лион изгнали), захватили в свои грязные антисемитские руки священные ев- рейские книги и состряпали из них свою Библию, “состоящую из Ветхого и Нового заветов”. Поскольку они стали хозяевами положения, то насочиняли все, что их душе было угодно. И Христа “сочинили”.

“Новый завет — это мифологическое сочинение греческого произ- водства о мнимых преступлениях евреев с вымышленными еврейскими персонажами — Иисусом Христом, Иоанном Крестителем, апостолами, подвергающимися казням руками самих же евреев” <...> Грекам “уда-

лось интерполировать в события I века вымышленный суд и казнь Иисуса Христа в 29 г. н. э. и внедрить по всей Римской империи молву об Иисусе Христе” А как же быть с проклятиями Талмуда по поводу Христа? А как же быть со стихами Давида Маркиша, обращенными к нам, русским: **“Мы (то есть евреи, а не греки. — Ст. К.) дали вам Христа себе на горе?”** А главное — кого лечить? — Давида Маркиша или Семена Файна? И еще вопрос: каким образом в деревнях Самарии и Иудеи жило столько же евреев, сколько их живет в современной Америке?

* * *

Последнюю точку в противостоянии, начавшемся между Урицким и Канегиссером, поставил Валентин Петрович Катаев, всю жизнь вынашивавший мечту рассказать правду о “красном терроре” и о романтиках, развязавших его. Он осуществил свою мечту на закате жизни, когда решился напечатать повесть “Уже написан Вертер” в июньском номере “Нового мира” за 1980 год. Именно в этой повести осторожный, запуганный жизнью старый конформист пошел в отличие от Самойлова ва-банк, создав бессмертные образы чекистов из одесской “чрезвычайки”. Главный из них носил имя Наум Бесстрашный.

Он **“стоял в позе властителя, отставив ногу и заложив руку за борт кожаной куртки. На его курчавой голове был буденновский шлем с суконной звездой”**.

“У Маркина был неистребимый местечковый выговор. Некоторые буквы, особенно шипящие, свистящие и цокающие, он произносил одну вместо другой, как бы с трудом продираясь сквозь заросли многих языков — русского, еврейского, польского, немецкого”.

— **“У тебя сидит один юноша, — начал Лось.**

— **А ты откуда знаешь, что он у меня сидит? — перебил Маркин, произнося слово “знаешь”, как “жнаишь”, слово “сидит”, как “шидит”**.

— **Ты просишь, чтобы я его выпустил?**

Он произнес “выпустишь”

— **Я застрелю тебя на месте.**

“На месте” он произнес как на “мешти”.

Перед нами, в сущности, герой поэмы Багрицкого “Февраль” — убийца и местечковый провинциальный авантюрист, стоящий на броневике “над летящими фарами и штыками”. Вспомним о том, что и Багрицкий и Катаев — оба были одесситами и почти однолетками.

* * *

История испытала на практике три пути “преодоления еврейства в себе”. Один — ницшеанский, гитлеровский — изгнание, вытеснение, в конечном счете уничтожение. Другой — советский, в который верил Ленин, носивший в себе, как и Гитлер, “четвертинку” еврейской крови: полная ассимиляция, растворение еврейства в русской стихии при помощи интернациональной коммунистической идеологии.

И третий путь; пролеглий через самопожертвование, через Голгофу, путь полного духовного перерождения, — это путь Христа.

(Есть еще путь честной и объективной оценки еврейского менталитета и еврейской истории — путь интеллектуалов нового времени Ханны Арендт, Роже Гароди, Нормана Финкельштейна, но это путь атеистов-одиночек).

Неоудухотворенность бунта завела “арийцев”, изживавших в себе еврейство, в темные дебри Холокоста. Вера в абсолют крови, в которой якобы живет душа человеческая, обернулась примитивным культом суицида, отворила бунтовщикам двери к самоубийству — и они, один за другим — Отто Вейнингер, Адольф Гитлер, Йозеф Геббельс, Генрих Гиммлер, Герман Геринг, Рудольф Гесс и воспитавший их всех профессор геополитических наук Хаусхоффер — шагнули в эту темную бездну, первопроходцем в которую был первый антихристианин и самый знаменитый ренегат в истории челове-

чества Иуда из Кариота. (Кстати, единственный в истории человечества памятник Иуде был сооружен нашими местечковыми именно в России.) А сколько тысяч жрецов сатанистского культа крови и расы, исповедуемого в Третьем рейхе, бастардов и метисов, жрецов рангом помельче, и потому недостойных остаться в истории, разгрызали ампулы с цианистым калием, совали дуло пистолета в рот, завязывали ремни на спинках железных кроватей в своих камерах, словом, избирали безблагодатный, беспокорянный и потому греховный путь в небытие, и мир навсегда забыл о них, недостойных памяти...

Одним из самых ярких антисемитов, помогавших Гитлеру на пути к высшей власти, был полукровка Юлиус Штрейхер, казненный в 1946 году в Нюрнберге. Смерть его, в сущности, являлась тоже формой самоубийства, выбранного им самим:

“Стоя перед виселицей, он громко воскликнул: “Хайль Гитлер!” На вопрос об имени он резко ответил: “Вы его знаете”. В сопровождении священника он поднялся на ступеньки и воскликнул: “Пурим 1946 год и к Богу”. <...> На ящике, в который уложили труп Штрейхера, было написано имя “Абрахам Гольдберг” (Х. Кардель, стр. 76). Напомним, что казнь гитлеровских преступников в Нюрнберге совершилась в 16 октября 1946 года в праздник Пурима, почитаемого, как еврейский праздник радости.

Но и Ницше, потерявший рассудок и кончивший свои дни в сумасшедшем доме, тоже ведь по своей воле совершил духовное самоубийство.

* * *

Змея кусающая собственный хвост, — это ветхозаветная метафора, выражающая сущность драмы самоуничтожения. Все происходит, как в книгах Ветхого завета — помните, “Адам родил Каина”, “Авраам родил Исаака” и т. д.? Но у нас немного по-другому: еврей Урицкий приговорил к смерти еврея Перельцвейга; еврей Канегиссер приговорил к смерти еврея Урицкого; еврей Зиновьев приговорил к смерти еврея Канегиссера; еврей Ягода приговорил к смерти еврея Зиновьева; еврей Уншлихт приговорил к смерти еврея Ягodu... Несчастный народ...

Наилучшей иллюстрацией к этому процессу, который “пошел” и идет до сих пор, является символическое событие ветхозаветной силы, о котором поведал грядущим поколениям видный чекист сталинской эпохи А. Орлов-Фельдбин:

“20 декабря 1936 года в годовщину основания ВЧК—ОГПУ—НКВД Сталин устроил для руководителей этого ведомства небольшой банкет... Когда присутствовавшие основательно выпили, Паукер (начальник охраны Сталина, комиссар госбезопасности 2-го ранга, т. е. генерал-полковник. — Ст. К.), поддерживаемый под руки двумя коллегами <...> изборожал Зиновьева, которого ведут в подвал расстреливать. Паукер... простер руки к потолку и закричал (изображая Зиновьева-Апфельбаума): “Услышь меня, Израиль, наш Бог есть Бог единый”.

(А. Орлов. Тайная история сталинских преступлений. Нью-Йорк—Иерусалим, 1983 г., стр. 82.)

Через полгода 14 августа 1937-го Паукер повторил путь Зиновьева в расстрельный подвал, а Орлов-Фельдбин, шпион, сбежавший в июле 1938 года в США, первым делом, как сообщается в книге О. Царева и Д. Каstellо “Роковые иллюзии”, посетил синагогу, где, видимо, произнес слова той же древнееврейской молитвы. Да что говорить о местечковых шпионах и резидентах, если образованный, абсолютно ассимилированный, вросший в русскую культуру и советскую литературную жизнь Давид Самойлов, запуганный провокаторами из наших СМИ, кричавшими в конце 80-х годов о приближающихся еврейских погромах, почувствовал, что у него ожили от страха все наследственные еврейские комплексы, впал в истерику и записал на страницах дневника:

“Если меня, русского поэта и русского человека, погонят в газовую камеру, я буду повторять: “Шмо исроэл! Адоной элехейну, адоной эход!” Единственное, что я запомнил из своего еврейства”. Ничего себе единственное! Да это еврейское “все”, начало молитвы: “Услышь меня, Из-

раиль, наш Бог есть Бог единый”. Эти слова даже атеист и негодяй Паукер вспомнил перед расстрелом... Бедный Дезик.

Все вроде бы ясно, но остается только один вопрос, на который нет ответа: почему и с какой целью Создатель попустил, чтобы в кровавые внутри-семитские разборки, словно в черную воронку истории, затыгивались племена и народы, ни сном, ни духом не виновные в трагедии, которая началась в доисторические времена и которая завершится в День Гнева.

Ветхозаветная змея не просто укусила свой хвост, — она растерзала его в клочья.

(Продолжение следует)